

А
Н
Д
Р
Е
Й

Б
Н
Д
А
Р
Е
Н
К
О

ВОЙПЕЛЬ.

СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЙ ТРИПЕР

Андрей Бондаренко
Войпель. Сентиментальный триллер
Серия «Суровая проза», книга 2

*Текст предоставлен правообладателем
Войпель. Сентиментальный триллер:*

Аннотация

Человек – после долгих-долгих лет странствий и скитаний – вернулся на Родину, в большой, мирный и бестолковый город. Казалось бы: что его, прошедшего через самые невероятные испытания и приключения, может здесь удивить?

Может. Очень многое. В частности, внезапно ожившие древние легенды, часть из которых он привёз с собой.

Уточняю, страшные и безмерно-кровавые легенды...

Содержание

Пролог	4
Глава первая	6
Глава вторая	16
Глава третья	23
Глава четвёртая	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Андрей Бондаренко

Войпель. Сентиментальный триллер

Пролог

Из аэропорта – до дома – он добрался уже под вечер.

В сизо-сиреновом небе медленно и надменно плавился задумчивый осенний закат: жёлто-рыжий и ветренный.

На скамейке – возле парадной – сидели всё те же ветхие бабушки.

– Опаньки, Серый вернулся, – удивлённо выдохнула Матрёна Ивановна. – Бродяга неприкаянный и многими позабытый.

– И ждатель-то уже перестали, – печально усмехнувшись, дополнила Ульяна Макаровна. – Приехал-таки, милостивец. Орёл ты наш купчинский¹.... Наведёшь тут порядок, молодчик белобрысый?

– Наведу, – улыбнувшись, пообещал Сергей. – Здравствуйте, бабушки. Замечательно выглядите. Совсем не изменились.... Так я пойду?

– Иди, родной, иди. Счастливых тебе дорог...

В квартире было очень пыльно и затхло: так всегда бывает, если в помещении долгое время никто не живёт.

– Ну, здравствуй, отчий дом, – поставив чемодан на пол, растроганно поздоровался Сергей, а после этого расчихался: – Ап-п-чхи! Ап-п-п-чхи! Апчхи.... Нет, господа и дамы, так дело решительно не пойдёт...

Он снял с плеч тяжёлый брезентовый рюкзак, пристроил его рядом с чемоданом, захлопнул входную дверь, поменял новые тесные ботинки на разношенные домашние тапочки, обнаруженные в прихожей, определил кожаную куртку на вешалку, прошёл в столовую и, повозившись с полминуты с тугими ручками, распахнул окно.

В комнату тут же ворвался свежий воздух.

– Свежий питерский воздух, – негромко уточнил Сергей. – А ещё октябрьский и вечерний. Прохладный, правда. Температура-то на улице не выше плюс восьми-девяти градусов.... Ох, как приятно пахнет. В том смысле, что Родиной.... Сколько же лет я здесь не был? Получается, что уже почти двенадцать. Прилично, что ни говори.... Ладно, к лирическим отступлениям можно будет потом вернуться, под рюмашку. А сейчас следует делами заняться: темнеет уже за окнами, да и спать хочется с дороги, уболтало слегка в самолёте...

Первым делом, он, вооружившись шваброй, совком, ведром с водой и тряпками, принялся целенаправленно бороться с пылью, накопившейся в квартире за последние десять месяцев, прошедших с момента отъезда родителей в Канаду. Впрочем, работа спорилась: нехитрая мебель располагалась только в его спальне, в прихожей и на кухне, а столовая и родительская комната были пусты.

«Оно и правильно», – активно работая половой тряпкой, мысленно одобрил Сергей. – «При переезде в чужую страну любая копейка лишней не бывает. Молодцы, что реализовали лишний хлам.... Эх, мама-мама. Говорил же я тебе по телефону, мол, и квартиру продавайте. Нет, не согласилась. Мол: – «Она тебе, сыночек, обязательно пригодится. Нагуляешься, рано или поздно, по Белу Свету и вернёшься...». Вот и вернулся, как и было предсказано.... А если папа с мамой продали бы, всё же, «трёшку»? Гулял бы дальше, понятное дело.... Так-

¹ – Купчино – неформальный район Санкт-Петербурга.

с, надо ещё и холодильник помыть. И раковины. Да и унитаз с ванной. Окошко же следует закрыть, пока не продуло...».

После завершения уборки он оттащил чемодан в спальню и наспех распахнул одежду по полкам шкафа, а также поместил под матрас на кровати тонкую пластиковую папку с различными (в том числе, с банковскими), документами. Потом перенёс рюкзак из прихожей на кухню и, предварительно расшнуровав его, принялся выкладывать на обеденный стол всякую продовольственную разность: круглую буханку «серого» хлеба деревенской выпечки, несколько хариусов и сигов холодного копчения, жестяные банки с лососёвой икрой и тушёной лосятиной, плашку вялено-копчёной грудинки молодого северного оленя и связку озёрных карасей, засушенных на русской печи. А ещё и две объёмные фляги из нержавейки, заполненные спиртовыми настойками на целебных травах, достал из рюкзачных карманов.

Выложил-достал и, грустно вздохнув, прокомментировал:

– Вот они, прощальные подарки щедрого Крайнего севера. Эх, жизнь моя жестянка... Ладно, проехали. Ужинать будем...

И он, быстро и сноровисто, приготовил нехитрый ужин: нарезал хлеба и оленятины, очистил копчёного хариуса, достал из буфета и наполнил – из фляги – пузатую хрустальную рюмашку.

Выпил, закусил, повздыхал, полистал альбом со старыми семейными фотографиями, обнаруженный во время недавней уборки, вновь наполнил рюмку.

Но поужинать в тишине и покое не получилось: с улицы донеслась отборная матерная брань, мерзкое хихиканье и отголоски громкого разговора на повышенных тонах.

Сергей подошёл к окну и недовольно пробормотал:

– Тяжела судьба жителей третьего этажа. Тяжела и практически безысходна. Особенно, если в квартире установлены старенькие оконные рамы без всяких там современных стеклопакетов. Слышимость – даже при закрытых окнах – просто обалденная... Группа гопников оккупировала скамейку под окнами, рядом с уличным фонарём. Человек, наверное, восемь: и молодые, и старые, да и пара девиц – самого разбитного вида – присутствует... Похоже, что все они здесь надолго обосновались: бутылки с портвейном откупоривают, на газетку, расстеленную на скамье, выкладывают яблоки, плавленые сырки и хлебушек нарезанный, пластиковые стаканчики расставляют. Ну-ну... И, понятное дело, громко матерятся и безостановочно гогочут. Сволочи безалаберные. «Ментов» на них нет. Так их всех и растак. И гопников, и ленивых стражей порядка... Ба, знакомые лица. Вернее, одна наглая и прожжённая физиономия: Зяма, засранец первостатейный. Столько лет прошло, а он, мерзавец, всё прежними тропками ползает. Гопник законченный. Чтоб ему пусто было...

Он отпустил ещё пару-тройку заковыристых фраз-пожеланий. А после этого убрал в холодильник продуктовые «излишки» и перебрался, прихватив тарелку с бутербродами, фляжку и рюмку, в спальню, окна которой выходили на другую сторону дома.

Перебрался, плотно прикрыл за собой дверь, завершил, куда не торопясь, скромный ужин, застелил постель чистым бельём, обнаруженным в шкафу, разделся и, отчаянно зевая, залез под одеяло. А залезая, непроизвольно взглянул в окно.

«Ерунда какая-то», – подумалось. – «На улице идёт самый натуральный снег? Практически метель, завывая, метёт? Чушь несусветная. Быть такого не может... А, кажется, понял. Это, наверное, я уже сплю. Сплю и вижу сон – о суровом Крайнем севере... Или, всё же, метель настоящая?».

Глава первая

Метель, глюки и откушенные ноги

Зяма считался «главным гопником» Шипкинского переулка и примыкающей к нему местности. Вообще-то, он и от почётного звания «главного купчинского гопника» не отказался бы, да только – куда там: годы уже не те, а нынешняя молодёжь, она нагла и отвязана без всякой меры, того и гляди – голову оторвёт. Оторвёт, выбросит в мусорный бак и даже имени-прозвища, презрительно сплюнув, не спросит. И былыми заслугами-подвигами не поинтересуется. Были уже печальные прецеденты...

«Тридцатник, мля, уже не за горами», – навязчиво зашелестели в голове тревожные мысли. – «Здоровье ни к чёрту: сердчишко, мать его, регулярно барахлит, сухой кашель донимает по утрам, изжога, такое впечатление, навечно поселилась в желудке. Да и с черепушкой, мля, не всё в порядке. И глюки временами донимают. И память, если крепко выпить, иногда отказывает. Здесь, понимаешь, помню. А тут, блин, не очень... Вот, взять, к примеру, тот же вчерашний вечер. Вроде бы всё помню: отобрали с Ржавым у малолетнего пацанчика мобилу навороченную, толкнули её знакомому барыге с «Юноны²», бухла взяли, пирожков с капустой прикупили, выпили, закусили. Хорошо, мля, было. Только в конце блевать потянуло. Видимо, с пирожков... А откуда, мать его, взялся фиолетовый бланш под глазом? Не помню, хоть убей. И Ржавый, мля, аналогично... Поменять...м-м-м, этот... Ну, как там его? Э-э-э..., образ жизни? С бухлом завязать? Про анашу забыть? Ну, не знаю, мля... А что же тогда, завязав и забыв, делать? Как, мать его, дальше жить? А? Кто бы, мля, подсказал...».

– Брателло, эй! Ты, никак, заснул? – кто-то сильно и настойчиво потянул его за рукав куртки. – Или же с «косячка» поплохело?

– А? Что? – «вынырнул» из своих тяжких раздумий Зяма. – Куда?

– В горло, стало быть, – протягивая пластиковый стаканчик, наполненный буро-коричневой жидкостью, выдал свою фирменную щербатую улыбку Ржавый. – Глотай, кореш, мля. Глотай, не сомневайся...

Зяма с трудом, отчаянно дёргая кадыком и болезненно морщась, выцедил предложенный напиток. Выцедил, смачно сплюнул под ноги, откашлялся, занюхал воротником старой джинсовой куртки, бросил в рот кусочек плавленого сырка, вяло пожевал, проглотил, а после этого кратко поделился своими вкусовыми ощущениями:

– Совсем, суки рваные, разучились делать «семьдесят второй» портвейн. Сплошная, мля, химия. А раньше, говорят, его из натуральных яблок гнали. Сволочи буржуинские, мля.

– Гы-гы-гы! – дружно загоготали собутыльники. – Ну, атаман, ты и задвинул! Молодец! Гы-гы-гы...

– Хочешь, красавчик, «Агдама»? – предложила Милка – субтильная и слегка помятая девица со свежее-рассечённой бровью. – Чес слово, вкусненький.

– Давай, шалава купчинская, наливай. До самых краёв...

После щедрой порции «Агдама» всё кардинально изменилось и разительно улучшилось – и общее самочувствие усталого организма, и настроение.

«Сегодня же у нас пятница, девятнадцатое число», – лениво хрустя спелым яблоком, рассуждал про себя Зяма. – «Значит, у бюджетников, мать их бюджетную растак, аванс. Благое дело, мля. Благое... Надо будет – где-нибудь через часик с гаком – перебазироваться в район кольца «шестьдесят второго» трамвая. Удобное там, мля, место. Справа роддом расположен. Слева – в отдалении – новостройки. А между трамвайным кольцом и новострой-

² – «Юнона» – вещевого рынок в Санкт-Петербурге.

ками, мать их, имеется приземистая бетонная «коробка» неизвестного «долгостроя». Самое милое, мля, дело: сиди себе под крышей, пей портвешок, анекдоты травы, покуривай и – между делом – высматривай пьяненького одинокого лоха, бредущего от последнего (или там предпоследнего), трамвая к родимому дому.... Ну, а потом, после удачной охоты, можно будет и к Милке на хату завалиться. Типа – пупками потереться слегка. Противная она баба, честно говоря. И повышенной чистоплотностью, мля, не отличается. Но где же, мать его, других взять? Та же Лерка – Милкина подружка – ещё хуже.... Опаньки! Как это – где взять? Вон же идёт – бикса козырная. Причём, мля, прямо к нам...

Действительно, к загулявшей гопницей компании, расположившейся под уличным фонарём, медленно приближалась женщина: лет двадцати семи-восьми, очень стройная, с угольно-чёрными волосами ниже плеч, в длинном тёмно-бордовом кожаном плаще непривычного покроя. А ещё у незнакомки было очень приметное лицо: смуглое-смуглое, с тонкими породистыми чертами и заострёнными скулами.

«Может, мля, японка?», – насторожился Зяма. – «Ну, их, этих иностранцев и иностранок. В том смысле, что менты потом – ежели что – запрессуют по полной.... И глаза у пришлой дамочки особенные: чёрные, мля, бездонные и неподвижные. Многообещающие такие глаза.... Бр-р-р. Даже шустрые мурашки, мать их колючую, по спине побежали.... Может, шаманка? Читал про них когда-то, ещё в школе...».

– Добрых вам дорог, путники, – поздоровалась – глубоким грудным голосом – странная женщина. – Скучно мне сегодня, ребятки. Скучно. Разговоров хочется – всяких и разных.... Примите в ватажники? – достала из бокового кармана плаща пузатую бутылку, щедро украшенную цветными этикетками.

– Ух, ты! Виски, мля, – восхитился непосредственный Ржавый. – «Белая лошадь», мать её лошадиную. Ёлочка зелёные и сосёнки стройные.... Подходи, барышня скучающая, не сомневайся. За свою, мля, будешь.... Как величать-то тебя, черноглазая?

– Шуа.

– Ну, и имечко, однако.

– Обыкновенное. Северное.

– Бывает, мля, конечно. Базара нет.... Значит, хочешь, скуластеньякая, к нам прибиться, дабы вечерок скоротать с пользой? Хорошее, конечно, дело.... А, вот, расскажи-ка ты нам какой-нибудь дельный анекдотец. Только свежий, мля. На старые и «бородатые» мы и сами мастера нехилые. Понравится, так и примем в коллектив.

– Хорошо, путники беззаботные, слушайте.... Просыпается мужик с крепкого-крепкого бодуна на скамеечке. Раннее погожее утро. Прохожие идут по тротуару. «Где я, люди добрые?», – спрашивает мужик. «Проспект Ветеранов», – отвечает ему сердобольный старичок. «К чёрту подробности, дедуля. Город какой?».

– Гы-гы-гы! – дружно заржали гопники. – Нормальный, мля, вариант. Принимаем в компанию...

– Тогда, путники, угощайтесь, – Шуа ловко отвернула пробку, коротко приложила узкими губами к бутылочному горлышку, после чего пустила «Белую лошадь» по кругу.

«Божественный, мля, напиток», – сделав несколько крупных глотков, оценил Зяма. – «Только, мать его, слегка сладковат.... Виски-то мне уже доводилось пробовать: лет пять с половиной тому назад – по весне, когда возле Волковского кладбища одного пьяненького «баклана» распотрошили. Вот, в его дипломате похожая бутылочка и обнаружилась. Только в тот раз оно (виски), мля, совсем другим было. В том смысле, что поганым деревенским самогоном так и отдавало. За версту, мля.... Что-то я захмелел после этого вискарика, так его и растак. Даже безразличная сонливость, мля, навалилась. А ещё, в довесок, и заумные мысли – о бренности всего сущего. Мол, все мы – однозначно и скоротечно – смертны....»

Странные такие мысли, мля. В том плане, что никогда прежде они мою глупую черепашку не посещали. Никогда...».

– Что это такое? – вытянув ладошки перед собой, несказанно удивилась Милка. – Снег пошёл...

Действительно, с ночного питерского неба начали плавно опускаться, словно бы кружа в каком-то старинном медленном танце, снежинки: белые, очень крупные, мохнатые и неправдоподобно-разлапистые.

– Хрень охренительная, – задрал голову, прокомментировал Ржавый. – Зима наступила?

– Очень похоже на то, мля, – громко шмыгнула длинным носом лохматая Лерка. – И похолодало. Резко так. У меня даже сопли зелёные, так их и растак, потекли из носа.... Может, «семьдесят второго» портвейшка накатим? Типа – для сугрева?

Но «накатить» было не суждено.

Со стороны Бухарестской улицы – неожиданно и резко – ударил сильнейший порыв льдисто-холодного ветра. Ну, оно тут же всё и закружилось – в едином изысканном кружеве: пластиковые стаканчики, фольга от плавленых сырков, обрывки газеты и снежинки, снежинки, снежинки...

– Метель, мля, началась, – зябко ёжась, сообщила Милка. – Серьёзная такая, мать её. Не шутейная. Так, сволочь, и сдувает. А холодный колючий снег даже в уши залезает.... Что будем делать, атаман?

– В парадную перебираемся, – решил, долго не раздумывая, Зяма. – Я входной код замка знаю. Хватаем бутылки и остатки закуси. За мной, братва. На подоконнике разложимся.

– Стоп, пацаны, – неожиданно заупрямился Ржавый. – Нельзя – в эту парадную.

– Почему это, мля, нельзя?

– Дык, это.... Говорят, что Серый вернулся...

– Ага, сегодня, – зло сплюнув под ноги, подтвердила Лерка. – Матрёна рассказывала. Мол, мля, ещё здоровее, чем был. И весь такой...м-м-м, матёрый из себя. Ну, то есть, очень взрослый и серьёзный.... Может, атаман, ну его? Типа – себе дороже?

Сергей Яковлев? Это было, действительно, серьёзно. Зяма – когда-то очень давно – учился с Серым в одной школе, правда, в параллельных классах.

«Ох, и доставалось мне тогда от него», – подумалось. – «По полной и расширенной программе, мля. И не только мне. А очень даже, мать его ети, многим.... Значит, вернулся, оглоед? Ай-яй-яй. Грехи мои тяжкие. Осторожней надо, мля, быть. На всякий и пожарный случай. Зубы-то, они не лишние. Хоть и гнилые насквозь...».

– Может, к Милке отправимся? – предложил Зяма.

– Не-е, пацаны, так не пойдёт, – тут же заныла деваха. – В том плане, что такой огромной кодлой. Тесно там у меня, мля. И мать-старушка парализованная.

– Что же тогда, народ, делаем? Делим бухло и пошло разбегаемся в разные стороны?

– Не надо никуда разбегаться, – заверила Шуа. – В «Колизее» пересидим непогоду. У меня и ключик от дальней боковой двери имеется. Купила по случаю.

Гопники и гопницы, боязливо переглядываясь, молчали...

Сделаю, пожалуй, уважаемые читатели и читательницы, маленькое отступление. Чисто информационной направленности.

Шипкинский переулок, он достаточно короткий – тянется от улицы Бухарестской до Будапештской. Или же, наоборот, от Будапештской улицы до Бухарестской. Тут, уж, как кому больше нравится...

И долгое время о его существовании мало кто – вне Купчино – и догадывался. А потом этот короткий и неприметный переулочек «прогремел» практически на весь Санкт-Петербург. Да, что там – на Санкт-Петербург, на всю нашу огромную и замечательную страну он тогда «прогремел»: по всем крупным телевизионным каналам – в течение добрых двух-трёх месяцев – регулярно показывали развёрнутые репортажи про Шипкинский.

Дело было так. В самом начале двадцать первого века в Шипкинском переулке построили кирпичную шестнадцатиэтажную «свечку». Вот, в этот дом семья Яковлевых и переехала – продали «двушку» на проспекте Димитрова и добавили к вырученной сумме многолетние сбережения. Очень даже удобно и рационально получилось: старый и новый дома располагались относительно недалеко друг от друга, Серому даже школу не пришлось менять, что, согласитесь, для выпускного класса совсем и немаловажно.

Переехали, значит, и тут выяснилось, что за их «свечкой» строители возводили (вернее, уже заканчивали возводить), ещё один жилой кирпичный комплекс – только семиэтажный.

– Это, наверное, так называемое «жильё повышенной комфортности», – предположила тогда матушка Сергея, – предназначенное для всяких современных российских чиновников и прочих богатеёв.

А потом их дом начал «падать». То есть, значимо отклоняться в сторону переулка...

Как это обнаружилось? Элементарно: неожиданно заклинило все лифты, причём, «намертво», стали искать причину, тут-то и выяснилось, что перепад между отдельными бетонными перекрытиями составлял почти пятнадцать сантиметров. Естественно, что перепуганные жильцы тут же выставили на стыках перекрытий самодельные «маячки», и уже через пару суток стало окончательно ясно: дом кренился и «падает».

Жильцы – в срочном и массовом порядке – сообщили о выявленном факте куда надо: и районным властям, и прокурорским деятелям, и «Гостехнадзору», и муниципальным депутатам, и представителям городской прессы. А ещё и Интернет – для пушей эффективности процесса – задействовали.

Что тут началось – словами не передать. Комиссия за комиссией зачастили. Важные и серьёзные такие комиссии, состоявшие из солидных и упитанных дяденек-тётенек в деловых импортных костюмах. А ещё и всяких журналистов-корреспондентов набежало – как собак нерезаных. Включая, понятное дело, ушлых и нахрапистых телевизионщиков. Короче говоря, Шипкинский переулок реально «прогремел» на всю страну...

Высокие и авторитетные комиссии, многократно и плодотворно посовещавшись, установили, что дом – в целях экономии – был выстроен не на свайном фундаменте, как это принято в условиях вязких и неустойчивых грунтов, а на плитном. Земля же в Купчино болотистая и, более того, на совесть пропитанная грунтовыми водами, вот, фундаментная плита и «поехала». То бишь, слегка перекосилась.

Наспех сделали и утвердили «спасательный» проект, нагнали целую кучу самой разнообразной строительной техники, начали спешно бурить – рядом с «поехавшей» фундаментной плитой – скважины большого диаметра и закачивать в них (под высоким давлением), специальный раствор на бентонитовой основе. Что-то там ещё делали – в плане применения новейших инновационных технологий. В конечном итоге, дом «падать» перестал и даже, по клятвенным уверениям высокопоставленных чиновников, частично выпрямился.

А, вот, строительство комплекса «повышенной комфортности», который возводили за «свечкой», было заморожено.

Почему – было заморожено? Трудно сказать однозначно. Может, высокие комиссии, усердно шаставшие рядом с шестнадцатиэтажкой, выявили – до кучи – какие-то серьёзные нарушения в разрешительной документации. Или же запросили (за свою «слепоту»), запретительную взятку. А ещё по Купчино ходили-бродили смутные слухи, что «главного застройщика» семиэтажки неожиданно посетило видение – типа во сне к нему явилась безобразная

старушенция в гадких лохмотьях и напророчила, мол: – «Как достроишь, милоч, этот семи-этажный комплекс, так сразу же и помрёшь...». Ну, а мнительный «главный застройщик» тут же испугался – до полной потери пульса, срочно ушёл «на больничный», а после выздоровления отдал строгий приказ – о незамедлительном прекращении строительства. Тёмная история, короче говоря...

Как бы там ни было на самом деле, но упомянутый комплекс так и остался стоять недостроенным: строители – тринадцать лет тому назад – огородили его «сетчатым» забором, установили на входных проёмах толстенные металлические двери, а после этого ушли. Как выяснилось, навсегда.

Коварное и жестокое Время, естественно, не пощадило «недострой»: водосточные трубы проржавели и местами осыпались, оконные рамы почернели, покрылись бело-серой плесенью и обветшали, крышу – над северным крылом – сорвало сильными ветрами, кирпичная кладка покрылась сетью извилистых трещин. А сам комплекс, с течением времени, стал именоваться в народе коротко и непритязательно – «Колизей». Из нетленной серии, мол: – «В итальянском Риме есть Колизей? Есть. А чем наше благословенное Купчино хуже этого занюханного Рима? Ничем, ясен пень. Вот, пусть и у нас будет – свой собственный «Колизей». Назло всем этим самодовольным и зажравшимся европейцам...».

Казалось бы, что «купчинский Коллизей» должен был быть любимым местом обитания бомжей, гопников и беспокойной хулиганистой молодёжи. Как же иначе? Мол, бесхозная крыша над головой... Железные двери? Не смешите, пожалуйста. Кроме дверей, как известно, ещё и окна существуют. А отжать оконную раму – при наличии фомки и русской смекалки – раз плюнуть... Итак, должен был быть – любимым местом. Но, по факту, не был. Почему? Пытались, естественно, поначалу упомянутые бомжи-гопники-хулиганы обжиться в «Колизее». Но только ничего хорошего у них не получилось, мол: – «Забираешься через окошко внутрь и сразу же, мля, чувствуешь – что-то ни так. Типа – тёмная-тёмная аура висит вокруг. И колючие ледяные мурашки, мать их растак, быстро-быстро бегут по спине... Глядь, тёмные уродливые тени отчаянно прыгают по кирпичным стенам и бетонным перекрытиям. Прыгают, суки рваные, и угрожающе скалятся. А некоторые из них, свят-свят, даже с рогами... Потом – откуда-то снизу – жалостливые стоны-крики долетают: словно бы там пытаются-изничтожают кого-то. После стонов жуткий вой раздаётся. А после воя – рычание. Дикое-дикое, мля, такое... Сердце тут же в пятки уходит-падает. И ноги – сами по себе – бежать начинают. Кажется, что ещё пару секунд назад ты был в «Колизее». А в себя уже за забором приходишь. И как бежал, и как через забор перелезал – не помнишь. Трясёт всего. Всё трясёт, мля, и трясёт. Трясёт и трясёт. Почитай, целые сутки напролёт. Даже целебный «Агдам» – под «косячок» – не помогает...».

А ещё всё Купчино (стараниями уважаемых Матрёны Ивановны и Ульяны Макаровны), было уверено, что в «Колизее» проживает самая натуральная чупакабра³. Мол: – «А по ночам эта кровожадная гадина вылезает из «Колизея» и убивает-съедает всех собак и кошек, подвернувшихся под её когтистую лапу. Однажды я даже сразу двух чупакабр видела. Вот этими самыми глазоньками. Чтоб мне на месте провалиться и «Дом-2» больше никогда не смотреть...».

Слухи слухами, но бродячие собаки и кошки, тем не менее, в Купчино перевелись – как класс. За редчайшими исключениями, понятное дело. А, ведь, ещё лет семь-восемь тому назад от них было, буквально-таки, не протолкнуться.

Короче говоря, «Колизей» – среди жителей района – традиционно пользовался дурной славой, и его предпочитали предусмотрительно обходить стороной...

³ – Чупакабра – неизвестное науке существо, персонаж многочисленных легенд, согласно которым чупакабра убивает животных (преимущественно коз, куриц и кроликов), и высасывает у них кровь.

Итак, купчинские гопники и гопницы, неуверенно переглядываясь, молчали.

– Не бойтесь, родные, – надменно и вальяжно усмехнулась Шуа. – Ничего там страшного нет. Для меня, по крайней мере.... Отставить – глупые и бесполезные споры! Запикиваем непочатые бутылки с вином в полиэтиленовый пакет. Початые несём в руках. И за мной шагаем, путники неприкайные. Шагаем-шагаем. Я сказала.

Она резко развернулась и, не оборачиваясь, уверенно направилась к углу дома. Гопники, не споря, дружно последовали за ней.

«Ерунда, мля, какая-то», – заторможенно подумал Зяма. – «Не хочу я туда идти, а тем не менее, иду. Словно, мать его, зомби на верёвочке. Да и все остальные – в количестве семи подвыпивших рыл.... Это, наверное, мля, из-за виски халявного. Подмешано там, наверняка, что-то, век анаши не курить.... Ох, не кончится всё это добром. Не кончится, депутатом буду. Бежать надо отсюда. Бежать, мля, сломя голову...».

Думать-то он думал, но только никуда не бежал – брёл себе и брёл, словно бы окончательно растеряв последние остатки воли, за новой смуглолицей знакомой. Покорно, надо заметить, брёл...

Компания, прикрывая – ладонями и рукавами одежды – физиономии от встречных потоков снега, оказалась за «свечкой».

– Хрень очередная, – вяло пробормотал Ржавый. – Никогда, мать его, здешние фонари не светили. Никогда.... Ну, зачем, мля, освещать недостроенный и заброшенный объект? Незачем, ёжики колючие.... А теперь, понимаешь, горят. Так их и растак...

«Действительно, мля, горят», – мысленно согласился с корешем Зяма. – То есть, светят.... Только странный этот свет долбанный. Мутный-мутный, призрачный и чуть-чуть подрагивающий.... Ох, мама моя, мамочка. Говорила же ты мне много-много раз, мол: – «Возьмись, сыночек, за ум. Возьмись. Не шляйся ты – дни и ночи напролёт – по всяким местам подозрительным. Дома сиди и пить бросай. А ещё лучше – на работу устройся. Да и жениться тебе надо бы. Жениться, остепениться и о Будущем задуматься...». Говорила. Много раз. А я, придурок глупый и законченный, не слушал. Вот и доигрался. Поделом. По грехам и по делам гадким.... Тьфу, пригоршня холодных снежинок попала в нос. Вот же. Ап-пчи.... Всё снежит, мля, и снежит. Мать его морозную.... Шуа легонько тронула ладонью «заборную» секцию, и та – словно калитка на петлях – распахнулась. Мля.... А теперь подошла к тёмной двери и, взявшись за железную ручку, открыла её. Просто так открыла – безо всякого ключа. Врунья дешёвая: купила, мол, она по случаю. Ага, конечно. Зараза и шалава, блин горелый...».

– Заходим, – не оборачиваясь, велела странная женщина. – Извините, милые мои путники, но обратной дороги нет. Так, вот, получилось. Не взыщите.

Они вошли. Через пару секунду под потолком зажглась длинная и узкая неоновая лампа.

Зяма, услышав, как сзади сдавленно чертыхнулась Милка, обернулся и зло прошептал:

– Совсем, лярва неумытая, ополоумела? Нашла, понимаешь, где рогатого поминать. Так и накликать, мля, недолго.

– Дык, я н-ничего т-такого..., – принялась отчаянно заикаться девица. – П-последней, мля, вошла. Развернулась, чтобы д-дверку п-п-прикрыть. А нет т-там, мля, никакой д-дверки. Т-т-только стена...

«Действительно, кирпичная стена», – взглянув, окончательно запечалился Зяма. – «Наверное, опять глюки начались, мать их галлюциногенную. Ох, не ко времени.... Кстати, а откуда здесь взялся свет? Ведь, электричества-то к «Колизею» так и не подвели.... Засада какая-то. Страшновато даже, мля, немного. Так и на измену можно подсесть. В том смысле, что жидко обхезаться – ненароком – в штанишки...».

– Шагаем, человеки пришлые, – сухим и слегка надтреснутым голосом велела Шуа. Они и шагали – размеренно, отстранённо и равнодушно.

– Какой коридор-то длиннющий, – монотонно бормотал Ржавый. – И, мля, с уклоном... Куда он ведёт, интересно? Глубоко под землю? А, Зяма? Молчишь, чувырло братское? Ну, молчи-молчи. Молчун хренов, мля... А, вот, эти длинные лампочки под потолком. Непривычные, так их и растак. Гораздо тоньше стандартного «дневного света». Висят, понимаешь, через каждые десять-двенадцать метров. Висят, светят и, такое впечатление, мля, слегка шевелятся. Словно живые... И, заметь, никаких окон нет по сторонам. Ну, ни единого. Как такое, мля, может быть? Бред бредовый и запущенный... Ноги же сами идут. Понимаешь, Зяма? Сами собой... У тебя, мля, аналогично? Ну-ну. Да, дела-делишки у Петрова Гришки... А наша новенькая? Она же, мать её растак, была в кожаном тёмно-бордовом плаще. В модном и, наверняка, дорогушем. А сейчас? Дерюжка какая-то серо-бурая, типа – старенькая мешковина... И спина у неё была прямой. А сейчас – сутулая. Даже, мля, с небольшим горбиком. Ещё и постукивает чем-то на ходу... И голосок у неё изменился. Подозрительно, однако, гадом буду... Эй, красotka незваная! – повысил голос. – Притор-мози-ка, дорогуша. Разговор к тебе имеется.

– Ась? – обернулась идущая впереди женщина. – Громче говори, милоч. Туга я нынче на ухо. Стара стала, извини...

«Старуха, мля!», – мысленно охнул Зяма. – «Древняя-древняя, в рваных и драных лохмотьях. А по лохмотьям вши, так их всех и растак, ползают. Жирные такие, молочно-кремовые, мля. Шустрые-шустрые... Старая карга на кривую клюку опирается. Ею, значит, и постукивает по бетонному полу – в такт шагам... Носяра же у старой ведьмы приметный: длинный, крючковатый, очень мясистый и весь, мля, усыпанный крупными разноцветными бородавками. И тёмно-сизые имеются, и ярко-багровые, и нежно-розовые. Гадость неаппетитная и законченная, так её и растак, короче говоря. А глаза-то, тем не менее, прежние: чёрные-чёрные, неподвижные и бездонные – словно старинные колодцы в дикой пустыне...».

– Дык, бабушка, это я так, – смущённо вильнул взглядом Ржавый. – Показалось...

– Показалось, так показалось, – покладисто прошамкала беззубым ртом старуха. – Вну-чок.

– А как зовут-то тебя, бабанька?

– По-прежнему. Шуа.

– Ага, понял... Дальше идём?

Старушеница, не ответив, резко развернулась и, бодро постукивая своей кривой клюкой по тёмно-серому бетону, зашагала вперёд.

– Что это такое, брателло? – шёпотом заканючил на ходу Ржавый. – Ничего, мля, не понимаю.

– Глюки, наверное, – так же тихо откликнулся Зяма.

– Думаешь?

– Ага, мля... Или «травка» попалась некачественная. Или же в «семьдесят второй» химии пересыпали. Суки жадные и рваные...

Старуха скрылась за поворотом.

– Бежать надо, мля, – тоненько всхлипнув, запричитала сзади Милка. – Только ноги не слушаются. Совсем. Нет, не кончится это добром. Не кончится, курвой буду.

– Так ты и так – она самая и есть, – затравленно усмехнулся Зяма. – В том плане, что курва – самая натуральная и законченная... Когда, родная, последний раз копейку почестному заработала? А? Без наводок, разводов и кидалова? Сама не помнишь? Вот, то-то же... Так что, шагай, шалава. Шагай, мля, не кисни. От Судьбы, как известно, не убежишь. Сколько, мля, не старайся...

Они по очереди, вслед за старухой, повернули за угол.

Повернули и вскоре оказались в просторном зале.

«В очень, мля, просторном», – мысленно прокомментировал Зяма. – «Метров, наверное, сто семьдесят квадратных будет. А то и больше. И в очень высоком – вплоть до десяти-двенадцати метров. Хрень охренительная и блин подгоревший.... Длинных неоновых ламп здесь нет, зато на стенах закреплено полтора десятка ярко-горящих факелов.... Ярко-горящих, мля? Ну-ну. Дыма-то нет. И смолой здесь совсем не пахнет. Надо думать, очередные глюки, мать их козырную.... Что ещё? В зале сложено – и здесь, и там – много камней: покатых, округлых и серых – всевозможных оттенков этого цвета. В центре помещения стоит деревянный истуканище. Вернее, мля, идол: метров пять-шесть в высоту, солидный и массивный, очень тёмный (наверное, от старости), с характерно-рассерженной физиономией – ну, прямо как у нашего участкового, не к ночи, гад, будь помянут.... А по углам ещё четыре идола расположились – пониже и посветлей «главного». Да и деревянные физиономии у них, мля, чуток поприятнее.... Ещё возле каждого истукана беспорядочно набросано много-много светло-жёлтых и жёлто-чёрных костей. А среди костей стоят бронзовые котлы: возле «главного» идола – огромный, возле других – раза в два поменьше. Всё как у людей, так его и растак.... Что там у нас в котлах? Сейчас, мля, посмотрим. Сейчас-сейчас.... Меха какие-то, типа – шкурки пушных зверьков, серебряные монетки различных размеров и разноцветные речные раковины. Барыжий вариант, короче говоря.... В правой стене – круглая дыра: диаметром, наверное, с полметра. Может, чуть меньше. Вентиляционный ход, мля, надо думать. А других входов-выходов – кроме нашего коридора – не наблюдается.... И старуха-проводница – вместе со своими уродливыми бородавками – куда-то запропала. Словно бы под землю провалилась...».

– Это – капище, – задумчиво промолвила Милка. – Я про такие ещё в школе читала. В учебнике. Жертвенное, мля, капище, раз кости возле идолов сложены...

– Гонишь, наверное? – непонимающе набычился Зяма. – Капище, говоришь? А капище – кого конкретно?

– Ну, земля, ты и спросил.... Бога какого-то, не иначе. Северного, мля, Бога.

– Почему – северного?

– Ну, как же. Камушки здесь характерные: округлые и светлые. Таких, мля, на нашем севере очень много. Я когда под Воркутой срок мотала – вдоволь на них насмотрелась.... Ой, кто здесь?

– Хи-хи-хи! – разнеслось по залу. – Это я, Шуа...

Из-за «главного» идола вышла восьмилетняя – на вид – девчушка: худенькая, улыбка-вая, скуластенькая, со светлыми смешными косичками, черноглазая, в простеньком светло-голубом платице в крупный чёрный «горох».

– Какая, мля, симпатичная пигалица! – слюняво ощерился Ржавый, которого пару лет назад обвиняли в педофилии, но доказать так ничего и не смогли. – Иди ко мне, лапочка с косичками. Вкусной конфеткой угощу.

– Хи-хи-хи!

– Сейчас поймаю проказницу...

Девчонка, увернувшись от Ржавого, подбежала к правой стене, ловко залезла в круглое отверстие вентиляционного хода и была такова.

– Ушла, мерзавка. Жаль.

– Не о том думаешь, морда озабоченная, – нахмурился Зяма.

– А о чём надо, атаман, мля?

– Если бы я знал.... И ругаться прекращай, приятель. Надоело. Не надо больше. Ни к чему...

– Тяф-тяф-тяф! – донёсся азартный лай.

Через полминуты в зал – из коридора, по которому недавно прибыли гопники, – вошла женщина.

«Ничего же себе!», – мысленно восхитился Зяма. – «Самая натуральная королева – в нарядном средневековом платье: сплошные кружева, оборочки и рюшечки, а ещё и «стоячий» воротник, украшенный самоцветами.... Да и не в платье, собственно говоря, дело. Осанка у неё королевская. Да и выражение породистого лица, обрамлённого высокой и изысканной причёской. А глаза – ожидаемо – чёрные, неподвижные и бездонные.... Двух маленьких чёрных собачек ведёт на длинных кожаных поводках. Точно такие, кажется, были у знаменитого клоуна Карандаша. Мне мама про него частенько рассказывала в детстве. И картинки показывала.... Эх, мама-мамочка, как же это? Почему всё так позорно сложилось? Ну, почему? И назад, как назло, уже не повернуть.... Поплачь по мне, пожалуйста. Поплачь.... Кстати, ни на грамм не удивился бы, если на поводках были бы не чёрные скотч-терьеры, а, наоборот, белые-белые песцы. По крайней мере, это выглядело бы логичней...».

– Что же вы такие шумные, путники? – надменно поморщилась женщина-королева. – Бродите по ночному городу. Кричите. Грязно ругаетесь. Гогочете. Мирным людям спать не даёте.... Зачем? Разве вы не знаете, что Шуа ненавидит шум? И Войпель его не любит.

– И что это за фря припёрлась? – подобрав с пола тёмно-серый кусок бетона, возмутился недалёкий и туповатый Ржавый. – Нотации, мля, читает? Для этого нас сюда и заманили? А? И глюками пугают? Так вас всех, черноглазых, и растак...

«Напрасно он это», – чувствуя, как его охватывает вселенская безысходная тоска, подумал Зяма. – «Совсем-совсем напрасно...».

– Пусть будет – как будет. И как должно быть, – брезгливо усмехнувшись, торжественно объявила королева. – Каждому да воздастся – по делам и грехам его. Не нами придумано, не нам и отменять...

Последовал лёгкий кивок головы, украшенной высокой королевской причёской, и длинные кожаные поводки мгновенно исчезли-растаяли. А маленькие скотч-терьеры тут же начали стремительно расти, превращаясь в огромных зубастых монстров – с круглыми глазищами, горевшими нестерпимым ярко-жёлтым огнём, и длинными мускулистыми лапами-руками, оснащёнными кривыми острыми когтями.

«Пора», – решил Зяма и рванул – что было сил – к круглому вентиляционному ходу в правой стене.

Рванул и краешком глаза – на бегу – заметил, как один из желтоглазых монстров прыгнул вперёд и сделал резкое движение когтистой лапой. Брызнула чья-то красно-бурая кровь. Раздался отчаянный вопль, полный нестерпимой боли и чувства полной и окончательной безысходности...

Где в этот момент находился второй зубастый монстр?

К сожалению, он выпал из поля зрения. Впрочем, это уже не имело никакого значения.

Зяма, засунув голову и плечи в вентиляционный ход, пополз. Вернее, попытался это сделать.

«Чёрт, кажется, застрял», – пронеслось в голове. – «Даже и полтора метра не преодолел. Жаль...».

Пришла-навалилась острая и жгучая боль.

– Это мне только что откусили ноги, – прошептал Зяма.

Прошептал и умер...

Не спалось ей этой ночью: сон приходил и уходил, сменяясь вязкой дрёмой, вновь возвращался, снова покидал...

Да и снилось – в коротких обрывочных снах – чёрт знает, что: маленькие чёрные собачки и какие-то огромные полуголые мужики – с тёмно-тёмно-красной кожей, ярко-жёл-

тыми глазами, острыми зубами и длинными лапами-руками, оснащёнными кривыми чёрными когтями. А ещё навязчиво мелькали – перед внутренним взором – огромные лужи красно-бурой крови, в которых лежали-валялись ошмётки чьих-то растерзанных тел.

– Не к добру это, – тревожно ворочаясь с боку на бок, сварливо ворчала Матрёна Ивановна. – Ох, не к добру. Быть беде... А Дмитрий Силыч-то как храпит в соседней комнате. На все лады, сокол ясный, заливаётся...

В какой-то момент она поняла, что больше уже не уснуть. А осознав это, слезла со старенького продавленного дивана, наспех, не включая света, оделась, покинула квартиру, вышла на улицу и устроилась на любимой скамейке, врытой в землю возле подъезда.

Вскоре вокруг начало явственно сереть.

– Наступает «час волка», – тихонько пробормотала Матрёна Ивановна, которая, не смотря на безобидный внешний вид (мол, тихая и мирная бабушка «Божий одуванчик»), прожила очень беспокойную, сложную и насыщенную жизнь. – Час – между умирающей ночью и нарождающимся рассветом. Очень непонятное, загадочное и неверное время, когда много чего происходит. Например, среди серьёзных диверсантов принято – начинать все особо важные и знаковые операции именно в «час волка». Так, уж, издавна повелось. Не нами придумано, не нам и отменять...

Из-за угла «свечки» – со стороны «Колизея» – показались две тёмные высоченные фигуры, которые, сгибаясь под тяжестью, волокли куда-то большие тёмные мешки.

«Мешки связаны попарно и переброшены через плечи», – непроизвольно отметила наблюдательная Матрёна Ивановна. – «Два облома умножаем на два – получаем четыре плеча. Ещё раз – на два. Следовательно, имеем восемь плотно набитых мешков...».

Глава вторая

Купчинские реалии

На улицу – по привычке, укоренившейся за последние два года, – он вышел ровно в девять утра.

Что это за привычка такая и откуда она взялась?

Чисто профессиональная: восемь ноль-ноль – подъём с завтраком, восемь тридцать – связь-планёрка с Большой землёй, девять ноль-ноль – начало процесса снятия показаний с датчиков и измерительных приборов. Впрочем, к этой теме мы вернёмся чуть позже...

Итак, в девять ноль-ноль Сергей Яковлев вышел на улицу и, оглядевшись по сторонам, мысленно подытожил: – «Обалденная погодка нынче образовалась – безо всяких-всяческих последствий и напоминаний о вчерашней нежданной метели: яркое голубое небо над головой, полное безветрие, беззаботные купчинские птички ласково щебечут в разноцветной осенней листве. Молодцы, птахи. И дальше – щебечите, не возражаю... Да и температура окружающего воздуха соответствующая, в том смысле, что достаточно мягкая: на уровне плюс десяти-двенадцати градусов. Милая осенняя лепота и классическое русское «бабье лето» в одном флаконе, короче говоря... Так-с, а что делать дальше? В такую-то, учитывая сущность субботнюю, рань раннюю?».

Вообще-то, он планировал посетить – с визитом вежливости – Сан Саныча, своего (в юности), тренера по дзюдо: поболтать о том и о сём, да и совета – чисто на Будущее – спросить. Мол, лишним не будет. Но... Не в такое же раннее время. Тем более – субботнее...

– Зачем же – без должного и экстренного повода – будить хороших и семейных людей? – пробормотал Сергей. – Возможно, что у Саныча уже и внуки с внучками имеются. Когда я уходил в армию, его дочке уже девять лет исполнилось. Так что, как говорится, вероятность «дедушкиной должности» имеет место быть... Ага, ветерок подул. Восточный. Следовательно, с Ладоги дует. Сейчас на Кариджской косе, наверняка, крупный окунь отлично клюёт. Надо будет – при первой же возможности – на рыбалку выбраться, пока затяжные осенние дожди не зарядили. Типа – Душу отвести... А сейчас стоит, пожалуй, пивка выпить. Соскучился я что-то по купчинскому пиву... Ох, ты, совсем запамятовал. В Питере же нынче начинают торговать алкогольными напитками только с одиннадцати утра. Совершенно дурацкое, на мой частный взгляд, правило. Так и отдаёт – за версту – дешёвым лицемерием. Перестарались местные господа депутатики. Однозначно – перестарались. Других забот-хлопот у них, зажавшихся и упакованных, видите ли, нет... Ничего, попробуем обойти этот пуританский запрет. Попытка, как известно, не пытка. А дельный запасной вариант – у опытного человека – завсегда отыщется...

Он бодро зашагал – наискосок – в сторону Бухарестской улицы: там, на краю большого сквера, издавна (ещё со времён приснопамятной «горбачёвской» Перестройки), работал-функционировал чудо-ларёк, торговавший пивом-вином-водкой и традиционно плевавший на все запреты и ограничения.

«Ага, торгует, родимый», – приближаясь к намеченному объекту, обрадовался Сергей. – «Молодой человек отходит от ларька: бледный, помятый, с приличными «мешками» под бегающими глазами. С крепкого бодуна, надо думать... Только почему-то без полиэтиленового пакета. Ну, может, по карманам банки-бутылки распахал. Бывает... А на козырьке павильона красуется прямоугольная вывеска, мол: – «Автозапчасти, шины и моторное масло». Конспираторы, однако...».

– Пивка бы мне, – приветливо улыбнулся худосочному ларёчнику-азербайджанцу Сергей. – «Жигулёвского», к примеру. Производства комбината имени легендарного атамана Степана Разина.

– Чаво? – удивился доходяга.

– Пивка бы мне, любезный.

– Издеваешься, мужик? Мы пивом не торгуем.

– А чем же тогда торгуете? – выжидательно прищурился Сергей.

– Чем надо, тем и торгуем. Например, запчастями для подержанных автомобилей, – совершенно по-хамски ухмыльнулся азербайджанец, но встретившись взглядом с глазами нестандартного покупателя, тут же резко сбавил обороты: – Нет у нас пива, земля. Извини, не держим.... Ты не местный, что ли?

– Местный. Только отсутствовал долго. Почти двенадцать лет.

– Ого. Солидно, земля. С возвращением тебя.

– Спасибо, конечно.

– Всегда – пожалуйста. Рад помочь хорошему человеку.

– И чем же это я – так хорош? – заинтересовался Сергей.

– Глаза у тебя очень...э-э-э, серьёзные, – пояснил ларёчник. – По крайней мере, один из них.... А пивком ты у «Ленты», что на углу с улицей Димитрова выстроили, можешь затариться. В том смысле, что в самом магазине им торгуют только с одиннадцати, но там сбоку маленькая кафешка имеется. Зайди, поулыбайся девчонкам: глядишь, и продадут.

– Спасибо за совет.

– Не за что, уважаемый. Заходи ещё...

Сергей двинулся по достаточно широкой гравийной дорожке, проходящей через сквер, в сторону «Ленты» и вскоре повстречался со знакомыми старушками.

– О, Серенький вышел на утренний променад, – обрадовалась Матрёна Ивановна. – Удачного тебе утра, добрый молодец.

– И крепкого здоровья, – дополнила Ульяна Макаровна. – А ещё и жены понимающей да ладной.

– Здравствуйте, бабушки, здравствуйте, – улыбнулся в ответ Сергей. – Долгих вам лет жизни и внуков-внучек заботливых.... Куда это вы – с утра пораньше?

– Не «куда», а «откуда», – поправила въедливая Матрёна Ивановна. – Из «Ленты», стало быть. Там сегодня – скидочная акция на яйца куриные. Вот, мы с подружкой и приобрели по «решётке». Рачительная экономия – залог счастливой и сытой старости.... А ты, значит, решил свежим купчинским воздухом подышать?

– Типа того. Вернее, захотелось пивка выпить: родного, питерского.... Сунулся – по старой памяти – в знакомый ларёк. А там пива и не продают. Обидно.

– Это ты, милоч, про «Автозапчасти» толкуешь?

– Ага, вон про те, – указал рукой Сергей.

– Там уже давно поменяли профиль бизнеса, – саркастически усмехнулась Ульяна Макаровна. – Был, понимаешь, «алкогольный» профиль, а стал – «наркотический».... Анашой, Серый, в этом павильоне торгуют. А ещё и всякими курительными химическими смесями. Называются – «спайс». Вот, так-то.... Мы уже и самому Сомову жаловались. Но пока даже и он ничего сделать не может.

– Павел Андреевич до сих пор в участковых ходит? Всё так же – в лейтенантском звании?

– Ха-ха-ха! – развеселились старушки. – Ну, юноша, ты и сказанул! В участковых ходит? Ха-ха-ха...

– Пашенька у нас нынче возглавляет «пятнадцатое» отделение полиции, – отсмеявшись, сообщила – с гордостью в голосе – Матрёна Ивановна. – В высоком звании подполковника... А как же иначе? Отслужил в родимых Органах целую кучу лет? Отслужил. Причём, в том самом районе, где и родился. Откуда и в доблестную российскую армию уходил. Куда потом и вернулся. Это о многом, ей-ей, говорит... Не посадили – в рамках компании по борьбе с коррупцией? Нет, до сих пор на свободе. Не застрелили – в бурные и неверные девяностые годы? Пытались, конечно. И не один раз. Но ничего у них, сук грязных, не получилось. Так, только два сквозных ранения да контузия лёгкая... Не выгнали из славных Рядов? Ну-ну. Не смешите, пожалуйста. Надёжные и несуетливые кадры, они всегда в цене... Долго шёл от лейтенанта до подполковника? Не вопрос. Скромность, как всем известно, она украшает человека. В том смысле, что правильного и нормального человека. Отнюдь, не депутатов – всех уровней, мастей и созывов... Хороший, тёртый и правильный кадр, короче говоря. Честно служил. Перед вышестоящими не прогибался. Карьеры, нагло идя по головам сослуживцев, не строил... Воровал? Типа – по скромному «крышевал» отвязанных азербайджанских торгашей, жмущихся к станции «Купчино»? Наверное, ёшки-матрёшки. Кто нынче без греха? Но, судя по всему, делал это вдумчиво и без излишней жадности. То есть, дружа с головой... Прошёл наш бывший участковый и недавнюю внеочередную переаттестацию. Причём, без всяких вопросов, подозрений и нареканий... Более того, Сомов – в своё время – даже всё Фрунзенское РУВД возглавлял. Только совсем недолго, около девяти с половиной месяцев: внезапные кадровые изменения произошли в руководстве Городского Управления полиции – один генерал ушёл на заслуженную пенсию (но раньше запланированного срока), другой (из Москвы белокаменной), пришёл ему на смену. А новая метла, как известно, она всегда по-новому метёт. Вот, нашего Павлика и перевели – с понижением в должности – на «пятнашку». Бывает...

– Почему же подполковник Сомов не может справиться с этим «наркотическим» ларьком? – непонимающе нахмурился Сергей. – Или же не хочет?

– Хочет-хочет, не сомневайся, милоч. И даже очень. Но эта торговая точка самому Бесу принадлежит. Совсем, согласись, и не шутка.

– И этот мутный деятель до сих пор здесь? Не ожидал, честно говоря... Но, как же так? Всю «бесовскую» банду ещё при мне арестовали. Дело к суду шло... Неужели – откупился?

Тут такое дело – в плане очередного короткого отступления. Когда-то давно Беса звали – «Васька Харитонов», и трудился он – в качестве второго секретаря – во Фрунзенском райкоме ВЛКСМ города-героя Ленинграда. Потом началась бестолковая Перестройка, и Ленинград однажды, почти незаметно для его населения, преобразовался в Санкт-Петербург. Да и славный Ленинский комсомол подевался куда-то. В том плане, что перестал выплачивать своим функционерам высокие зарплаты. И Васька – сугубо для начала – подался в многоликие отечественные кооператоры, а чуть позже, когда подвернулся подходящий случай, переквалифицировался в идейного рэкетира и стал именоваться – «Бесом».

– Ничего тогда у Харитонova не получилось, – завершила Ульяна Макаровна. – Хотя и старался, конечно, мерзавец прожжённый. Не без этого. Но посадили – морду рэкетирскую – на восемь долгих-долгих лет. Поделом... Но что, собственно, из того? Отсидел Бес положенный срок, да и вернулся в родимое Купчино. Вернулся, оклемался, отъелся, остепенился и даже устроился на престижную и высокооплачиваемую работу – помощником депутата к одному из своих поделльников прошлых тёмных лет, подавшемся в политику. А другой его верный кореш в Смольном сидит, совсем рядом с самим господином Губернатором. И третий высокопоставленный дружок есть, и четвёртый... Так что, голыми руками нынче Ваську не взять. По крайней мере, за неполные два месяца у начальника «пятнашки» ничего толкового не получилось. Так, только сплошные начальственные окрики и выволочки. Но наш Пал Андреевич упорный: обязательно – рано или поздно – прикроет

эту позорную лавочку. Вместе с Бесом, естественно.... Эх, будь мы с подружкой помоложе и порешительнее.

– И что бы вы тогда сделали?

– Подошли бы тёмной ночью к торговой точке. Связали бы продавца. Потом подогнали бы кран и погрузили бы ларёк на прицеп. Отвезли бы его к Кирпичному пруду, да и, особо не сомневаясь, утопили бы. Делов то.... А, Серенький?

– Нормальный вариант, – одобрил Сергей. – Простенько и со вкусом. Ничего не имею против....

– По поводу упомянутого Кирпичного пруда, – озабоченно покачала головой Матрёна Ивановна. – Тут, Серёженька, такая ситуация. Сегодня не спалось мне. Видимо, к перемене погоды. Ещё перед рассветом встала, оделась и вышла на улицу. Сажу себе на лавочке возле подъезда, размышляю о всяком и разном.... Засерело. Глядь, два тёмных облома шагают со стороны «Колизея». Здоровенные такие из себя: высоченные, широкоплечие и, такое впечатление, голые. Или же полуголые. Не разобрала – в этой предрассветной серости. И лиц не рассмотрела. Только круглые глаза блеснули – ярко-жёлтым. И кожа порой – в тусклых отблесках уличных фонарей – отливала багровым. Та ещё картина маслом, мне даже страшно стало. Совсем чуть-чуть.... Так вот. Эти тёмные обломы волокли, перебросив через свои широченные плечи, попарно связанные большие мешки. Всего, значит, было восемь огромных мешков.... И что ты, Серый, думаешь? Приходим это мы сегодня с Улькой к «Ленте». К восьми тридцати. То бишь, к самому открытию магазина, как и полагается. А через перекрёсток – возле Кирпичного пруда – целая куча «ментовских» машин стоит. Что ещё такое случилось-приключилось? Поговорили мы с другими старушками, что за дешёвыми куриными яйцами пожаловали. Выяснилось, что утром рыбаки обнаружили в пруду несколько огромных брезентовых мешков. Вытащили один из них на песчаный берег (интересно же – что в нём), вскрыли. А там – куски человеческих тел. Странные такие куски: словно бы те тела не рубили (обычным топором, к примеру), а рвали на части – острыми зубами и кривыми когтями.... Вот, такие, Серёженька, дела нехорошие творятся в нашем с тобой Купчино. Ладно, парнишка, иди – ищи своё пиво пенное. Да и мы с Ульянкой побредём потихоньку. К дому....

Он подошёл к «Ленте»: возле пруда, действительно, было припарковано несколько полицейских машин – три легковушки и два фургон.

«Странное это место – Кирпичный пруд», – остановившись, подумал Сергей. – «Со своей собственной историей и нестандартной аурой.... В «Петровские времена» здесь протекал один из безымянных притоков реки Волковки. И уже тогда эта территория считалась «нечистой и проклятой». Дело было в далёком 1703-ем году, сразу после взятия Петром Первым шведской крепости Ниеншанц. Шведы, всерьёз обидевшись за это взятие, задумали учинить удачливому противнику быстрый и полноценный реванш, для чего воинский корпус знаменитого генерала Кронгиорта, выполнив хитрый обходной манёвр, решил напасть на русские войска с юго-востока. Решить-то решил, но только почти сразу же бесславно увяз в топких купчинских болотах (деревушка тогдашняя, что была выстроена рядом с болотами, называлась – «Купсино»), и, потеряв восемь драгун утонувшими, вынужден был отступить. Место, где коварная пучина поглотила незадачливых шведских солдат, нарекли – «Погостом», и купчинские крестьяне потом долгие годы рассказывали, что неоднократно – в предзакатных сиреневых сумерках – видели там Призраков утонувших шведов. Мол, неуклюже прыгали с кочки на кочку, зубами противно скрежетали, слезливо молили о помощи и проклинали, не стесняясь в выражениях, всех и вся.... В девятнадцатом веке на месте «Погоста», предварительно засыпав топкие болота бутовым камнем, песком и щебнем, построили большой кирпичный завод, и вся прилегающая к нему территория так и стала именоваться

в народе – «Кирпичный завод». А русло безымянной речушки было безжалостно раскопано, углублено, расширено (кирпичи-то из глины делали), и вскоре там появился-образовался большой и глубокий пруд. И нарекли его соответственно, мол – «Кирпичный пруд».... Но старинное проклятье, как шептались местные жители, продолжало действовать. Случилась как-то холодная и мокрая весна, и чуть ли не половина рабочих завода слегла. Бред, горячка, сухой кашель. Пневмония, если по-научному. Многие, порядка тридцати пяти человек, померли. Заводское начальство и велело, дабы не поднимать излишнего шума, похоронить покойных по-тихому, то есть, в пруду. Мол, привязали по-простому тяжёлые железяки к ногам мертвецов, да и сбросили последних в дальний омут.... Потом случилась Октябрьская революция. Несколько лет завод не работал. Но во времена ленинского НЭПа его восстановили какие-то ушлые кооператоры. Восстановили, запустили и стали обеспечивать ближайшие советские стройки качественным и недорогим кирпичом. Но это, увы, продолжалось недолго. В России, как и заведено, всюду задули новые политические ветра, и НЭП – как ошибочное и насквозь вредоносное явление – отменили. В 1934-ом году завод вновь закрыли, ушлых кооператоров успешно разоблачили, осудили и расстреляли.... А ещё через пару-тройку лет в пустующих заводских помещениях организовали что-то вроде секретно-опорного пункта НКВД. Звуки ружейных выстрелов – и одиночных, и залпами – долетали с той стороны с пугающей регулярностью. Опять по округе поползли пугающие слухи о Привидениях и Призраках, разгуливающих звёздными ночами по каменистым берегам пруда. Говорили даже о вурдалаках и оборотнях с волчьими и медвежьими головами.... В послевоенные годы завод отстроили заново, и он ещё долгие-долгие годы снабжал Фрунзенский район кирпичом, тротуарной плиткой и массивными бетонными урнами. А пару-тройку лет назад (матушка сообщила по телефону), многострадальный кирпичный завод безжалостно (и окончательно), снесли, а на его месте начали строить современный жилой комплекс.... Ну, да, на противоположном берегу пруда, действительно, возвели несколько симпатичных многоэтажек...».

Позабыв про вожаемое пиво, он – в два приёма – перебрался через перекрёсток.

Часть береговой линии пруда была огорожена красной матерчатой лентой, за которой вовсю суеился служивый люд, а из воды даже торчали чёрные головы-шлемы двух водолазов. По другую же сторону ленты расположилось несколько десятков любопытствующих штатских личностей разного пола и возраста.

Подумав, Сергей отошёл в сторону от толпы зевак – ближе к проезжей части, где были припаркованы полицейские автомобили. Отошёл, закурил и стал терпеливо ждать.

Через десять-двенадцать минут его ожидание было вознаграждено: из-за красной ленты выбрался и упруго зашагал к крайней машине высокий полицейский подполковник с пухлой кожаной папкой под мышкой.

– Кха-кха! – громко кашлянул Сергей. – Здравствуйте, Павел Андреевич!

– О, Яковлев! – обернувшись, обрадовался подполковник. – Сколько лет, сколько зим. Давай лапу, бродяга.... Крепкое у тебя рукопожатие, ничего не скажешь. Молоток, уважаю.... Наслышан о твоей жизни героической. Наслышан-наслышан. Вернее, только о некоторых её эпизодах, связанных со службой воинской.... Что с левым глазом? Ранение?

– Контузия. Но процентов на десять-пятнадцать видит. Не жалуюсь.

– Бывает.... В отпуск прибыл? Или как?

– Или как. Скорее всего, на ПМЖ.

– Одобряю. Давно пора. Родина, брат, это серьёзно.... Эх, поговорить бы нам с тобой, Серенький. О том, о сём. Да, понимаешь, дела. Убийства у нас тут приключились. Причём, похоже, массовые. С качественной «расчленёнкой».... Ты сейчас куда направляешься?

– Просто гуляю, – пожал плечами Сергей. – А к двенадцати планирую заскочить к Сан Санычу. С визитом вежливости, так сказать.

– К Григорьяну?

– Ага, к нему самому.

– Понял, – кивнул головой Сомов. – Учту. Может, и я к Санычу подтянусь. Но уже после трёх. Тогда и поболтаем... Покедова, Серый.

– До встречи, Павел Андреевич...

Сергей – с чувством, толком и расстановкой – попил пивка в кафешке (продали, конечно, никуда не делись), после чего неторопливо зашагал – по тротуару улицы имени пламенного болгарского коммуниста Георгия Димитрова – в сторону станции «Купчино».

Во-первых, надо было слегка «время убить». Во-вторых, всегда приятно – после долгой разлуки – пройтись по родным местам, где прошли твоё детство и юность. В-третьих, Сан Саныч (тренер по дзюдо), жил на Малой Балканской улице, недалеко от станции метро. И, наконец, в-четвёртых, ему захотелось посмотреть на бронзовый памятник bravому солдату Швейку, установленный несколько лет назад рядом с «метрошным» павильоном: видел многочисленные фотографии в Интернете, но одно дело – фотки, и совсем другое – взглянуть собственными глазами...

Наконец, он дошагал до метро.

Рядом с магазином «Паттерсон» располагался – на бронзовой ребристой бочке (пивной, надо думать), – памятник солдату Швейку. Нормальный такой памятник, без дураков: скромный, милый и без излишней пошлой помпезности.

– Привет, служивый. Хорошо выглядишь и всё такое, – негромко поздоровался со Швейком Сергей. – Как она, жизнь сермяжная? Есть свежие новости?

Бронзовый солдат, естественно, промолчал. Он, чуть заметно улыбаясь, дружелюбно отдавал честь редким прохожим. Служебные обязанности у него, судя по всему, были такие.

Нос же у Швейка прямо-таки сиял: весь солдат был тёмно-серый, а, вот, его курносый нос – ярко-ярко-жёлтым.

«Понятное дело, примета такая», – мысленно усмехнулся Сергей. – «Мол, если тщательно потереть пальцами нос Швейка, то, непременно, вскоре резко улучшится материальное положение семьи. Внеочередная премия, к примеру, неожиданно свалится в тощий кошелёк, или же солидный выигрыш в лотерею образуется...».

В переходе между торговыми корпусами показалась бродячая собака: шустрая, худая, мосластая и местами облезлая.

Пёс остановился и, поразмышляв секунд пять-шесть, целенаправленно затрусил к бронзовому солдату.

«Похоже, что он собирает малую нужду справить», – подсказал сообразительный внутренний голос. – «Ну, чтобы территорию пометить, как и заведено среди собак... Остановился. Заднюю лапу, сволочь наглая, задирает... Надо бы, братец, предотвратить это наглое и бессовестное святотатство. А?».

Но помешать псу Сергей не успел. Это в том смысле, что его опередили: внезапно из-за памятника выскочил большой (ну, очень большой), чёрно-белый кот – выгнув спину дугой, грозно зашипел и, «разбрасывая» зелёные искры из глаз, даже попытался вмазать – правой передней лапой – по чёрному собачьему носу.

Пёс резко отпрянул в сторону и, видимо, решив не искушать судьбу, рванул – со всех своих лап – прочь...

– Молодец, усатый боец, – похвалил Сергей. – Так держать.

– Мяу-у, – чуть подрагивая пушистым хвостом, вальяжно откликнулся кот, мол: – «Сам знаю...».

– Один тут кантуешься? То бишь, по жизни гребёшь?

– Мяу-у.

– Как кличут-то тебя?

– Мур-р.

– Кешкой, что ли?

– Мяу-у.

– Понятное дело... Взял бы тебя, дружище хвостатый, к себе. В том плане, что пригласил бы в напарники. Да, понимаешь, сам ещё толком не обустроился.

– Мяу-у-у-у...

– Мол, гуляешь сам по себе и в компаньонах не нуждаешься? – понимающе усмехнулся Сергей.

– Мяу.

– Вот и у меня – насквозь аналогичная ситуация. Сам по себе... А если надумаешь подружиться, то и заходи. Сметаной угощу...

Глава третья

Сбитые лётчики

Или – десять причин купить ребёнку резиновые сапоги

Вежливо попрощавшись с отважным котом и бравым бронзовым солдатом, он зашёл в ближайший супермаркет, мол: – «Идти в гости с пустыми руками – дурной тон. Тем более, если ты с человеком не виделся целую уйму лет. Не по-русски это...».

Оказавшись в магазине, Сергей засомневался: – «Полагается за встречу – по устойчивейшей русской традиции – алкоголя употребить... Полагается, конечно, спора нет. Но Саныч-то – спортсмен идейный. Он в те стародавние времена (почти двенадцать лет тому назад), был не только тренером в спортивно-юношеской школе, но и действующим дзюдоистом: даже почётное третье место «на городе» занял, в весовой категории до восьмидесяти одного килограмма. Да и нам – своим подопечным-воспитанникам – безостановочно и упорно вдалбливал, мол: – «Курить – нельзя. Пить алкогольные напитки – нельзя. Если, конечно, хочешь стать успешным спортсменом. Ну, и вообще, приличным – по жизни – человеком. Счастливым – в конечном итоге...». А ещё тогда Саныч начал книжки всякие и разные писать, в основном, приключенческие и фантастические. С Главными героями – беззаветно-благородными и отважными. И с Главными героинями – трепетными, верными и нежными. Пару-тройку его опусов даже издали – «в бумаге»... Ну, и как к такому приличному челу – с водкой заявиться? Никак, ясен пень. Да, головоломка навороченная...».

В конечном итоге, он купил: – плоскую бутылку армянского коньяка (чтобы можно было спрятать – на всякий пожарный случай – во внутреннем кармане куртки), торт «Прага» и две большие коробки подарочных шоколадных конфет – «Алёнка» и «Мишка на Севере». И уже потом – в павильоне, расположенном на Малой Балканской, – два букета цветов: для жены Саныча и для его дочери.

Начался меленький приставучий дождик. Сергей, неловко прикрывая цветы полой куртки, дошагал до нужного дома, поднялся на лифте на восьмой этаж и, пройдя по коридору, нажал указательным пальцем на кнопку звонка.

Тишина. Только подозрительный лёгкий шорох за дверью.

«Суббота, как-никак», – прокомментировал разумный внутренний голос. – «Все нормальные люди на дачу укатили. Или за последними осенними грибами. Или на рыбалку. Как и полагается. Из нетленной серии, мол: – «Не нами заведено, не нам и отменять...». Подчёркиваю, нормальные семейные люди, а не всякие там одиночки-неудачники... Ну-ка, братец, ещё разочек надави на кнопку... Ага. Снова шорох. И, кажется, мяуканье... Дави-дави, лентяй записной. На кнопку давить, как известно, это не пятидесятикилограммовые мешки с цементом ворочать...».

Наконец, за дверью обозначились чьи-то шаркающие и неуверенно-рваные шаги.

Сухо щёлкнули замки: один, второй. Тоненько и жалостливо пропели дверные петли. Дверь приоткрылась.

– Здравствуйте, дедушка, – неуверенно поздоровался Сергей. – Вы...э-э-э, отец Сан Саныча?

– Хм, – пожилой человек нервно склонил лысоватую голову на сторону и тут же стал похож на взъерошенного уличного воробья. – Хм... Никак, Яковлев? Он же – Серый?

– Ага, я. Здрасьте...

– Выпить есть?

– Коньяк. Армянский. Вроде бы «пятизвёздочный». Если не врут, конечно.

– Заходи.... И дверку прикрой за собой.

«Это, что же, Саныч?», – сбросив ботинки и шагая за хозяином квартиры, недоумевал Сергей. – «Худющую спину горбит, правая рука, слегка скрючившись, висит – как плеть.... Ничего не понимаю. Он же таким спортивным тогда, двенадцать лет тому назад, смотрелся: стройным, подтянутым, мускулистым. Все купчинские мальчишки на него равнялись. А девчонки, понятное дело, влюблялись и восхищались.... Он же нестарый ещё совсем, лет сорок пять-шесть. Не больше. Выглядит же лет на двенадцать-пятнадцать старше.... А, пардон, квартира? Я тут уже бывал – в те давние и беззаботные времена. Причём, неоднократно.... Здесь же такой идеальный порядок был – закачаешься. Это тётя Тоня старалась. И маленькая Валька ей помогала во всём. Пахло тогда в квартире Саныча – милым домашним и счастливым уютом. Бесконечно-бесконечным таким.... Сейчас? Полной безнадёгой здесь пахнет. Полной-полной-полной. А ещё – серо-жёлтым одиночеством.... И линолеум в коридоре безнадёжно ободран. Давно-давно немытый линолеум, весь в чёрно-серых пятнах и бурых разводах...».

Они прошли на кухню: горы немытой посуды, тяжёлый затхлый запах, рваная клеёная скатерть на столе, колченогие табуретки.

– Присаживайся, Серенький, присаживайся, – доставая левой, чуть подрагивающей рукой из буфета рюмки, засуетился Саныч. – Сейчас-сейчас.... И коньячок свой армянский открывай. И разливай, не тяни.... Вот, только с закусью у меня проблемы. Лишь засохший хлебушек, позавчерашние макароны, да «бычки в томате».... Конфеты и торт? Конфетки – это хорошо, сгодятся. Типа – под коньячок.... А тортик потом с собой заберёшь. Как и цветочки. Девушке какой-нибудь подаришь. Симпатичной.... Ну, вздрогнули?

И они «вздрогнули»: раз, потом – с двухминутным перерывом – второй.

– Ох, кажется, полегчало, – Саныч заметно оживился, а на его впалых и давно небритых щеках даже некое подобие румянца выступило. – Давай-ка, Серёжа, начнём с тебя? Рассказывай, мальчик, рассказывай. Как и что. Где был. Что видел. И, вообще...

После окончания средней школы Сергей Яковлев решил «сходить в армию».

Зачем и почему? Да, просто так: ну, не знал он – чего (что?), хочет от этой жизни. Да и с будущей профессией не определился – в том смысле, что совсем никак. Бывает.... Получать высшее образование только ради официальных «корочек»? Мол, так принято, и все так делают? Не тянуло как-то. Мол, пошлость сплошная и голимая...

И само «современное образование» вызывало у Серого сплошные вопросы и нарекания. Начиная ещё с пятого класса. Тогда перед началом летних каникул всем бывшим «четверолашкам» выдали учебники на следующий учебный год, и Сергей, будучи мальчиком любознательным, с удовольствием прочёл – за три летних месяца – учебники по географии и истории. Прочёл и даже пару раз перечёл. Так что, когда первого сентября процесс школьного обучения возобновился, Яковлев понял, что на уроках истории и географии он – просто-напросто – теряет время. «Зачем они, вообще, нужны, эти уроки?», – недоумевал Сергей. – «Есть же учебники. Да и другие книги. Сиди себе дома и учись. Причём, без всяких проблем...». Ну, и в старших классах данная тенденция продолжилась.

– А теперь, значит, я должен ещё пять лет маяться этой дурью? – делился Сергей сомнениями со своей любимой девушкой Олей. – Ездить куда-то – каждое утро – через полгорода и конспектировать дурацкие лекции? Не смотря на то, что всё это есть в Интернете? Зачем, спрашивается? Ерунда какая-то, право слово, получается. Тем более что большая часть отечественной молодёжи, получив конкретное высшее образование, потом трудится совсем по другой профессии. Бред законченный.... Зачем же посещать ВУЗ, если ещё не определился с дальнейшими жизненными планами, а? Ну, его. Не желаю.... Я же прав?

Но консервативно-настроенная Ольга такой легкомысленной жизненной позиции не одобряла. Совсем. Они даже всерьёз поссорились. А потом, и вовсе, их отношения постепенно сошли на нет. Оля даже на «отвальную» не пришла. И на вокзал...

Итак, после окончания средней школы Сергей – с помощью мудрого Сан Саныча – устроился детским тренером по дзюдо в частную спортивную школу-секцию. Работа, как работа. По крайней мере, не противная.

А потом, когда стукнуло восемнадцать, он ушёл в армию.

– Являюсь мастером спорта по дзюдо, – заявил он в военкомате. – Побеждал на многих соревнованиях. Завоевал второе место на последнем первенстве города – среди старших юношей в весовой категории до семидесяти трёх килограмм. Не пью и не курю. А ещё имею устойчивое желание – Родине послужить. Желательно – в серьёзных и взрослых войсках. В ВДВ там, или же в морской пехоте...

«Военные дяденьки», внимательно выслушав, прониклись, и Сергея – после успешного прохождения медкомиссии и развёрнутого собеседования-тестирования – направили проходить срочную службу на секретный объект – «А-314».

Солидный бетонный забор с несколькими рядами колючей проволоки по верхнему торцу. Двухстворчатые металлические ворота, выкрашенные в благородный (для тех, кто понимает, конечно), тёмно-зелёный цвет. Серьёзное КПП, мрачные усатые часовые в пятнистом камуфляже и с короткоствольными автоматами наперевес. Несколько двухэтажных кирпичных длинных казарм, трёхэтажное кубическое здание «головного офиса». Гравийный плац для построения личного состава. Прямоугольный щит, на котором – казёнными чёрными буквами – значилось: – «Полковая разведка».

Служба оказалась разнообразной, разносторонней и интересной. Регулярные стрельбы – практически из всех видов огнестрельного оружия.

Обучение высокому искусству обращения с оружием холодным. Всякая экзотика в широком ассортименте – луки, арбалеты, пращи, японские метательные звёздочки, прочие хитрые штуковины и приспособления. Многокилометровые марш-броски – и в противогазах, и без них. Занятия по карате-до, дзюдо и боевому самбо. Минирование и разминирование. Теоретические основы комплексной диверсионной деятельности. Особенности проведения «жёстких» допросов в условиях активных боевых действий. Яды и противоядия. Умение качественно загримироваться с помощью элементарных подручных средств. Ну, и многое другое, включая экспресс-метод постижения английского разговорного...

А за две с половиной недели до выхода приказа о плановой демобилизации подполковник Шмаров, командир части «А-314», сделал младшему сержанту Яковлеву предложение, от которого было трудно отказаться: а именно, продолжить Службу по Контракту в одном из секретных подразделений российского ГРУ. То бишь, Главного разведывательного управления Генерального Штаба Вооружённых Сил Российской Федерации. Сокращённо – ГРУ ГШ ВС РФ.

«А почему, собственно, не продолжить?», – размышлял Сергей. – «С гражданской профессией я так и не определился. Ольга не пишет. Может, уже другим ухажёром-воздыхателем обзавелась. Вертихвостка симпатичная и сероглазая... А тут ребята подобрались – серьёзные и несуетливые. С такими – хоть в огонь, хоть в воду, хоть к чёрту на рога...».

Поразмышлял – минут пять-шесть – да и согласился.

Первым делом, его (после подписания Контракта, ясен пень), отправили на девять месяцев в Сибирь – на секретный объект «А-14». Типа – для дополнительной воинской подготовки.

Здесь тоже обучали всякому и разному, но уже гораздо более серьёзно, целенаправленно и вдумчиво. К прежним предметам-наукам добавились психология и поведенческая логика. А к английскому языку – испанский и французский.

После завершения учебного процесса начались регулярные рабочие командировки. Сперва в пределах Отечества – Дагестан, Чечня, Ингушетия. Потом география поездок слегка расширилась – Сергей (уже в звании младшего лейтенанта), побывал в Абхазии и Южной Осетии. После этого пришёл черёд и дальнего зарубежья – Никарагуа, Сирия, Афганистан и Сомали.

Сомали?

Ну, да. Надо же было этих пиратов, обнаглевших в корягу замшелую, хоть как-то приструнить...

Манит, звенит, поёт.

Типа – пьянит местная пьяная весна...

Похрен!

Забыть и молчать!

Пьяная весна – как всегда...

Слышь, майор.

Майоров ГРУ в отставке – не бывает.

Для тех – кто понимает.

Не бывает. И снега – в сорокоградусную жару – не тают.

Никогда.

Без отдельного приказа.

Тоска-зараза...

Сомали.

Самый далёкий край Земли.

Тут живут пираты?

Жили – когда-то.

Уже не живут.

Лишь голодные верблюды – тут...

Вот, в Сомали майор Яковлев и нарвался на противопехотную мину. Бывает. Дело-то, если вдуматься, насквозь обыденное – для служивого человека.

Ноги, на совесть посеченные осколками, дело, конечно, серьёзное. Но это было ещё полбеды. Гораздо хуже, что и сильнейшая контузия имела место быть: регулярные головные боли, нарушение координации, практически ослепший левый глаз. Комиссовали его, короче говоря. Сперва, понятное дело, подлечили на совесть, повесели на грудь молодецкую очередную красивый орден, денег выдали в приличном количестве, да и отправили – в счастливую гражданскую жизнь. Как-то так.

С возвращением в Питер Сергей решил повременить. Почему? Наверное, всё же, из-за Ольги: никак не мог забыть её серые глаза. Не мог, и всё тут. И какое-то чувство вины перед ней ощущалось, мол, променял любимую девушку на жизнь армейскую. Типа – махровый эгоизм проявил, ёлы-палы.... А, с другой стороны, кому нужен – подслеповатый инвалид? Пусть и орденосный? Вот, то-то же.... Он даже родителям о полученной контузии ничего не сообщил. Коротенько так отписался, мол: – «Получил лёгкое ранение, слегка подустал и вышел в отставку. В Питер приеду попозже. Когда отдохну...».

Поразмышляв немного, Яковлев отправился к Серёге Подопригоре, своему тёзке и бывшему сослуживцу. Подопригора вышел на гражданку (по семейным обстоятельствам), на два года раньше и работал начальником метеостанции, расположенной в Республике Коми, рядом с посёлком Мутный Материк.

Что это за место – с таким странным и подозрительным названием?

Абсолютно ничего странного и подозрительного. Мутный Материк располагается на берегу реки Печоры, на пятьсот-шестьсот километров к северо-востоку от города Салехарда. Недалеко от посёлка в Печёру впадает речка Малая Мутная. Ещё выше по течению – Большая Мутная. Вот, из-за этих географических особенностей и образовалось экзотическое название данного населённого пункта...

На метеостанции, упомянутой выше, Сергей последние два года и трудился – сперва рядовым сотрудником, а потом, когда Подопривога женился и уехал на Большую землю, начальником.

Очень нравилось ему в этих заполярных местах: тишина, покой, неброская, но очень симпатичная северная природа. Рыбалка, опять же, просто обалденная. Грибов и всяких лесных ягод – завалились.

Почему же тогда Сергей покинул Мутный Материк, если ему там так нравилось? Дела сердечные, естественно, виной всему. Ну, не то, чтобы сердечные...

Короче говоря, недалеко от метеостанции располагалась воинская часть: кажется, стратегические ракеты специального назначения, или же что-то насквозь аналогичное. В том смысле, что жутко-жутко секретное. Так вот, у командира этой воинской части, полковника Юрия Назарова, была (наверное, и до сих пор есть), жена-красавица Татьяна. Чёрненькая такая, стройная, гибкая, с живыми и быстрыми глазами. И стала она при встречах случайных (Мутный Материк – посёлок маленький и тесный), посматривать на Сергея с ярко-выраженным женским интересом. Всё посматривала и посматривала – своими быстрыми и живыми глазницами...

«Человек – слаб», – подумал Сергей. – «Особенно перед женскими чарами. Как бы ни вышло чего... А Юрка Назаров, он мужик дельный и правильный. Зачем же полковнику жизнь портить, а? Ну, не заслужил он того. Не заслужил...».

Подумал, уволился, да и уехал в Питер.

Только из-за легкомысленной Татьяны уехал? Чтобы жизнь хорошему человеку не портить? Ну, и это тоже. А ещё Сергею – достаточно часто – начали сниться по ночам Ольгины глаза: блестящие и светло-серые, словно вода в лесном роднике...

– Понятное дело. Бывает, – выслушав бывшего подопечного, подытожил Сан Саныч. – Нормальная такая жизнь. Настоящая. Хотя и непростая... Твоя Оля? Видел её несколько раз. С собачкой гуляла возле Кирпичного пруда: серо-пегий кокер-спаниель, очень шустрый... Она сама? Симпатичная такая, стройная. Только очень грустная. Очень-очень. Говорят, что до сих пор не замужем. Давай-ка, ещё – по рюмашке...

Со стороны прихожей донеслись тоскливые мяукающие звуки.

– Знакомый голос, – улыбнулся Сергей. – Это же прежний кот? Кукусь, кажется?

– Он самый. Видимо, я вчера одёжный шкаф в прихожей неплотно закрыл. Вот, он и дорвался до сапог...

– До каких сапог?

– До резиновых, конечно. Сейчас расскажу, подожди немного. Шкаф только прикрою.

Тренер вышел в прихожую, а через полминуты вернулся. Тоскливое мяуканье стихло.

– Ещё по рюмашке? – болезненно дёрнув кадыком, предсказуемо предложил Саныч. – Наливай... Ну, за встречу... Моя очередь рассказывать? В том числе, и про эти резиновые сапоги? Не вопрос. Слушай, Серенький. Слушай. И мотай на ус...

На улице моросит дождик. Холодный, нудный, противный и доставучий, каким и полагается быть дождю в первых числах октября месяца.

Дожди, они вечные и правдивые подсказчики, как, впрочем, и вещие сны. Я верю дождям, запомнившимся снам и случайным попутчикам – как не верю самому себе...

Впрочем, я отвлекся. Извини.... Мы, ведь, говорим о резиновых сапогах? То бишь, о детских резиновых сапогах?

Итак...

Эта история случилась-произошла лет так двенадцать тому назад. То есть, двенадцать лет и почти три месяца.

Девять часов утра. Середина жаркого июля месяца. Самый разгар питерских белых ночей. Дача. «Ново-токсовский» массив. Садоводство «Юбилейное». Как давно это было. Как давно. Очень давно. Но.... Закрываю глаза и вижу – всё – как наяву...

Я сижу за допотопным компьютером и откровенно маюсь дурью. Сегодняшней лысины нет и в помине. Как и седины. На мониторе компьютера сидит шkodливый сиа́мский кот по кличке «Кукусъ» (такое, вот, модное питерское прозвище, даже у соседа-генерала с «тридцать четвёртой» улицы кота зовут точно так же), корчит мне уморительные рожицы и тихонько мурлычет, мол: – «Хозяин, совесть поимей. Пошли, сползаем на рыбалку. Наловишь мне жирных и питательных ратанов....». Кукусъ нынче – в нешуточном авторитете: в недавних авантюрных романах «Седое золото» и «Логово льва» я «ввёл» данного хитрющего кота в качестве полноценного второстепенного героя, там даже солидная промысловая яхта названа в его честь. А сам Кукусъ принимает непосредственное участие в охоте на клыкастых моржей и даже «жадно слизывает ещё дымящуюся тёплую кровь с голубоватого льда...». Самое смешное, что недавно романы издали, бывает.

Так что, кот имеет полное право – права качать. – Ладно, где там мои сапоги и удочки? – встаю из-за стола. – Кукусъ, бродяга, запрыгивай мне на плечо. Пошли за твоими жирными и невообразимо-вкусными ратанами. Заодно и пивка купим по дороге. Для меня, естественно...

– Э-э, – в комнате неожиданно появляется дочка. – На рыбалку намылились, соколы ясные? И я с вами.

– Но...

– Никаких – «но»! Я – сказала!

Спорить с этой своенравной восьмилетней особой – себе дороже. Поэтому на рыбалку отправляемся втроём. В ладони одной руки – удочки и полиэтиленовый пакет со снастями-наживками. В ладони другой – тёплая дочкина ладошка. Сиа́мский кот – на правом плече.

Та ещё картинка. Для тех, кто понимает, конечно...

– Нам направо, – непреклонно заявляет Валька.

– Не понял. Пруд-то в левой стороне.

– Надо. Там магазин. Купим мне резиновые сапоги.

– Мяс! – соглашается с дочкой Кукусъ, мол: – «Очень надо...».

– Ну, не знаю, – останавливаюсь на перекрёстке. – Зачем тебе, непоседа, понадобились резиновые сапоги?

– На это существуют веские причины.

– И как много этих – так называемых – причин?

– Десять.

– Излагай. Если убедишь меня, то и купим. Не вопрос.

– Излагаю, – лукаво улыбается дочка. – Мы же идём на рыбалку?

– Ага. Идём. На рыбалку.

– Вот. Если рыбачить с берега, то ловится одна мелочь. Колюшка и мелкие ратаны. Если же войти в воду, то можно поймать и крупных ратанов, и серебристых карасей.... Верно?

– Есть такое дело.

– Неделю назад гадкие мальчишки набросали в воду битого стекла?

– Набросали, – соглашаюсь.
– Следовательно, без резиновых сапог крупной рыбы не поймать?
– Не поймать. Продолжай.
– Во-вторых, – дочка на секунду-другую задумывается. – У меня же хронический бронхит. Как я дождливой осенью – без резиновых сапог – пойду в школу? Промочу ноги. Заболею. Бронхит превратится в воспаление лёгких.... Оно нам надо?
– Не надо.
– Зачтено?
– Ага.... Что ещё?
– Послезавтра приедет дядя Игорь Ковалёв. Пойдём с ним рыбачить на Зеркальное озеро. Накачаем резиновую лодку. Выплывем.... Бац! Коряга. Дно пропороли.... Чем воду вычёрпывать? Сапогом! Четвёртое. Сломался черенок у мухобойки. Мух и слепней в дом налетело – до жути. Что делать? Снял сапог и в бой...
С девятью причинами Валька разобралась быстро.
– Выдавай последнюю, – предлагаю.
– Мяу! – поддерживает Кукусь.
– Пошли к магазину. По дороге придумаю...
Идём. Валька задумчиво бормочет под нос:

Паруса – растаяли вдали.
Клотики – сплошная невидимка.
Чаяк стая – вестница любви.
А над морем – призрачная дымка...

А над морем – словно над Душой.
Пролетает – беззаботный ветер.
Так бывает – в дымке – на рассвете.
Так бывает. Если ты со мной...

Так бывает. Призрачная дымка.
Паруса. Тревожная заря.
На твоих губах дрожит улыбка.
Золотая девочка моя...

И в глазах – заветная мелодия.
Дымка? Не мешает, господа.
В небе бьётся – как ничья рапсодия,
Синяя Полярная Звезда...

В небе бьётся – как ничья рапсодия,
Синяя Полярная Звезда...

Пришли. Магазин.

– Придумала! – объявляет дочка. – Витьке из параллельного класса очень нравится изумрудный цвет. Сейчас мы купим изумрудно-зелёные сапоги. Я их одену осенью, и глупое Витькино сердце растает...

Так оно всё и было. Витькино глупое сердце – в конечном итоге – растаяло, и полтора года назад он женился на Валентине. А потом они уехали в Америку. Навсегда.

Те сапоги до сих пор стоят в одежном шкафу на нижней полке.

Иногда старенький Кукусъ подходит к шкафу и начинает жалобно мяукать.
Я распахиваю створки.
Кот долго нюхает сапоги. А потом – плачет...

– А ещё моя Тоня умерла. Почти три с половиной года тому назад, – чуть слышно всхлипнув, дополнил Саньч. – Рак, знаешь ли. С ним не поспоришь.... Моя правая рука? Давно это было. Через год, Серенький, после твоего ухода в армию. Был чемпионат города по дзюдо. Вышел в полуфинал. Попал на болевой приём. Терпел, решил не сдаваться. И судья опоздал с командой.... Треснула, короче говоря, рука в суставе. Переломилась.... Потом операции всякие были. Чего-то там сшивали. В гипсе держали. Ломали. Снова сшивали. Не помогло. Начала рука «сохнуть».... Инвалид я теперь. И из секции уволили – за полной ненужностью. Пенсию по инвалидности пропиваю.... Книжки? Нет, Серёжа, с этим неблагодарным делом покончено. Раз и навсегда. Интернет и «пираты» напрочь убили эту тему. Напрочь.... Тиражи-то бумажных книг нынче ерундовые: от двух до пяти тысяч. Ну, пусть – для простоты арифметики – будет пять. Шесть рублей умножаем на пять тысяч экземпляров. Получаем тридцать тысяч рублей авторского гонорара. Минусуем тринадцать процентов подоходного налога, э-э-э....

– Остаётся двадцать шесть тысяч сто рублей, – подсказал Сергей.

– Во-во. А теперь делим эту цифру на четыре месяца, которые ушли на написание романа.

– Получаем шесть тысяч пятьсот двадцать пять рублей в месяц.

– Уборщица в детском саду больше получает, – подытожил Саньч. – Зла не хватает....

А ещё наши отечественные издательства моду взяли – и выплаты этих копеек задерживать. Бывает, что на полгода. А то и на восемь-девять месяцев. Терпеть ненавижу. Ладно, наливай ещё по рюмашке.... Ну, вздрогнули.... Знаешь, Серый, кто мы с тобой такие? Сбитые лётчики, так его и растак. Сбитые...

Потом, уже ближе к вечеру, пришёл Сомов – тоже с коньяком.

Выпили ещё, понятное дело. Поболтали, помянули, помолчали. Выпили...

– А что там, Павел Андреевич, с убийствами-то? – поинтересовался – в какой-то момент – Сергей. – Есть реальные подвижки? С расследованием, я имею в виду?

– Хреново всё, – помрачнел подполковник. – Эксперты наспех осмотрели...э-э-э, содержимое брезентовых мешков. И пришли к неутешительным выводам, мол: – «Сатанизмом явственно пахнет. Или же чем-то насквозь аналогичным...».

– И какие поводы-причины – для таких серьёзных выводов?

– Очень даже веские. Во-первых, число пострадавших – восемь. Знаковое число – для мифологии многих северных народов и народностей. Во-вторых, у всех погибших изъяты сердца. В-третьих, у трупов недосчитались ряд костей: грудных и берцовых.... Короче говоря, всё указывает на совершение некоего гадкого ритуала. Ритуала – с насквозь мистической подоплёкой...

Сергей – в свою очередь – рассказал об утренней странности, зафиксированной бдительной Матрёной Ивановной.

– Ох, уж, эти купчинские бабульки, – недоверчиво поморщился Сомов. – Иногда такое задвинуто, что уши – медленно и неуклонно – в тугую трубочку сворачиваются.... Мол, убийцы несли мешки с расчленёнными телами со стороны «Колизея»? Ну-ну, свежо предание, да верится с трудом. Впрочем, возьму, конечно, на заметку.... А Ивановна-то, она старушка не из простых будет: долгие годы в славных советских Органах трудилась. Сперва в какой-то жутко-секретной структуре. А потом, уже ближе к пенсии, «в вертухаях». То бишь, в охранных службах лагерей для осуждённых граждан – в северных регионах

нашей страны. Причём, отнюдь, не на последних должностях... Не знал, Серый, про это? И я – до недавнего времени – не знал... А эта её подруга – Ульяна Макаровна?

– С ней то – что не так?

– Лично по Макаровне никакого компромата у меня нет. А, вот, её родственники... Внучка, в частности, проживает в США и имеет самое непосредственное отношение к какой-то непонятной и навороченной секте. Подозрительно, однако...

Глава четвёртая

Ночная мистика – совместно с ужасами

Над мирным и благословенным Купчино – медленно и плавно – спускался октябрьский вечер.

«Странный какой-то вечер, если смотреть правде в лицо», – произвольно отметил Вагиз. – «Призрачный, слегка подрагивающий и лилово-сиреневый. Но – при этом – достаточно светлый. И это не смотря на то, что предзакатное солнышко трусливо прячется в плотных – с рваными прорехами – осенних облаках. А облака эти, как раз, аметисто-сиреневые. Некое природное явление – с ярко-выраженной оптической подоплёкой, короче говоря...».

Вагиз Алекперов любил рассуждать про себя (в последние полтора года – только и сугубо про себя!), красивыми, правильными и вычурными фразами. Как же иначе? Ведь окончил – совсем недавно – ни какую-нибудь там мутно-подозрительную шарашку широкого профиля, а филологический факультет славного и авторитетного Санкт-Петербургского Университета. Ни хухры-мухры, образно выражаясь. Даже, между прочим, в аспирантуру поступил и начал готовиться к написанию кандидатской диссертации по теме: – «Влияние классического русского языка на формирование современной культуры Азербайджана». Да, славные были времена: светлые, спокойные и умненькие такие... А потом «культурный период» жизни Вагиза резко и однозначно закончился-завершился. И, судя по всему, на долгие и муторные годы. На очень муторные и долгие. Если, конечно, не навсегда... По-дурацки всё получилось, честно говоря. Были обычные дружеские посиделки с земляками из Баку. Ну, типа совершенно случайно организовались, без какого-либо серьёзного и знакового повода. Посидели, выпили хорошего армянского (ведь должно же и от армян быть хоть что-то полезное?), коньяка, закусили свежей бастурмой с нарезным батоном и всякими сладостями-фруктами, а потом вышли во двор погулять, дабы вволю подышать свежим питерским воздухом. Вышли и, как водится, повстречались с другой подвыпившей компанией, состоявшей из русских и, как назло, из армян... Слово за слово, драка завязалась. А через некоторое время и хладный труп образовался. И так получилось, что в убийстве – в конечном итоге – обвинили именно Вагиза... Несправедливо и предвзято обвинили? Трудно сказать. Вагиз и сам находился в полном неведении, так как был сильно выпивши: помнил, конечно, что какой-то нож там фигурировал – сперва сверкал в лучах предзакатного солнышка, а потом, уже окровавленный, валялся на асфальте... Но откуда этот нож взялся и кто им воспользовался? Вагиз не помнил. Но ключевой свидетель (старенький пенсионер из ближайшего к происшествию «дома-кораблика»), указывал именно на него. Уверенно, тварь очкастая и злорадная, указывал... Дальше всё было просто: арест, изолятор предварительного заключения, жёсткие нары, заплёванный пол, вонючая параша, неаппетитная баланда, нудные допросы, протоколы, очные ставки, гадкие и невоспитанные соседи по камере. Тюремный срок явственно светил: вплоть до десяти лет лишения свободы. Совсем даже и не шутка... Хорошо ещё, что в процесс вмешалась азербайджанская диаспора, мол: – «Нельзя бросать земляка в беде. Пусть даже и бедно-никчемного земляка – практически нищего. Наоборот, выручать надо. Не нами заведено, не нам и отменять...». Хороший такой принцип. В том плане, что краеугольный, древний и основополагающий... Итак, уважаемые люди посовещались, сбросились денежкой и послали собранную сумму – по проверенным каналам – нужным милицейским и прокурорским чинам. Через некоторое время, когда ключевой свидетель отказался от своих прежних показаний (мол, привиделось: старческий маразм совместно со склерозом постарались), Вагиза, предварительно вежливо извинившись, выпустили на свободу. Ура! Ура! Ура! Просто замечательно... Диаспора –

великая сила. Есть, что называется, кому заступиться за обычного и не богатого человека.... В Санкт-Петербурге существует великое множество диаспор: азербайджанская, армянская, чеченская, дагестанская, татарская, узбекская, таджикская, нигерийская, еврейская, ну, и так далее. Все и не перечислить. А, вот, русской почему-то нет. Кто же тогда вступится за бедного русского парнишку, ненароком попавшего в беду? Получается, что никто. Странные люди – русские.... Но у каждой медали, как известно, имеется две стороны. Азербайджанская диаспора помогла Вагизу? Помогла, причём, реально. Приличные финансовые средства истратила? Истратила. Значит – что? Отдавать бабки надо, вот что. Желательно – с разумными процентами.... Денег нет? Совсем? Ай-яй-яй. Нехорошо, брат. Отрабатывать придётся.... Что делать-то умеешь, родной? Редактор, переводчик и автор заумных статей? Ещё и диссертацию пишешь? Ха-ха-ха. Не, не катит.... Со строительными специальностями знаком? Нет? Жаль.... На рынке когда-нибудь торговал? Нет? Да, совсем никакой.... Что же с тобой, неумёхой, делать?

И Вагиза, в конечном итоге, «отдали в аренду» авторитетному человеку Бесу. На целых три года отдали. Об аспирантуре и диссертации, естественно, пришлось забыть. Какая ещё аспирантура – к маме развратной и насмешливой, если был установлен жёсткий график: сутки через сутки, причём, без выходных, праздников и отпусков? Никакая, ясный пенёк благородного самшитового дерева...

Платили ли Вагизу зарплату? Так, чисто формально и номинально: хватало только на аренду семиметровой комнаты в пятиэтажной купчинской коммуналке и на магазинные изжогистые пельмени с чёрным хлебушком. Зато с одежной и обувью особых проблем никогда не возникало: уважаемому Бесу (помимо всего прочего), принадлежало несколько магазинов «секонд-хенд», разбросанных практически по всему Фрунзенскому району. Вот, хозяин – время от времени – и разрешал своим лучшим сотрудникам (в плане щедрого поощрения, понятное дело), забирать всяческий и разный «неликвид». Причём, заметьте, совершенно бесплатно. Добрый хозяин. Щедрый хозяин...

Как дипломированный филолог относился к своей сомнительной миссии? То есть, к торговле «дурью», «травкой» и «таблетками»? С философской подоплёкой, понятное дело, относился, мол: – «Всё в руках Всевышнего. Чтобы под этим расплывчатым и обтекаемым термином не подразумевалось бы.... Не я, честное слово, выбрал эту тернистую и мутную дорогу. Это она сама – незримо, но целенаправленно – выбрала меня. От Судьбы, как известно, не уйти. Никому и никогда...».

Вагиз, избавляясь от тяжких раздумий, старательно потряс черноволосой лохматой головой, а после этого обеспокоенно прошептал:

– Странный, тем не менее, выдался сегодня вечер. Странный, нетипичный и загадочный.... И дело даже не в том, что он призрачный, чуткий и фиолетово-сиреневый: покупатели отсутствуют, последний подходил только в полшестого.... Более чем странно. Ну, не бывало такого никогда. Не бывало. Ни единого разочка. Даже лютой и студёной зимой. Даже в метель февральскую. Обычно каждые двенадцать-пятнадцать минут сюда – в вечернее время – купчинские наркоманы так и шастают. А в темноте и ещё чаще.... Не порядок, однако. В том смысле, что не к добру. Кята⁴ подгоревшая...

Он позвонил «на базу» и доложил – естественно, на местном «купчинском сленге», без всяческих филологических «культурностей», мол: – «Хрень какая-то голимая, мля, происходит. Пропали куда-то все «болезные», словно бы вымерли. В кассе и тридцати тысяч рублей не наберётся. Бред голимый, мля.... Может, здешние менты что-то учудили? Опера-

⁴ – Кята – азербайджанская лепёшка.

ция, например, какая проводится? Типа, мля: – «Чистые руки, головы и лёгкие»? Вы уж там, братаны, имейте в виду. Ну, и справки – через продажных слуг закона – наведите...».

Позвонил, значит, а после этого, отключив служебный мобильник, вышел из киоска – кости размять, свежим воздухом подышать, по сторонам оглядеться, в вечернюю тишину вслушаться. Полезное и нужное дело, между нами говоря...

Вышел, взглянул-посмотрел на запад – в сторону заката, прячущегося в плотных облаках, – и тут же обомлел:

– Что же это такое, а? Свят-свят-свят...

Там, на фоне дальних купчинских многоэтажек, двигалась странная процессия: опирающийся на массивный чёрный посох высокий седовласый старик в ветхом рубище, которого сопровождали четыре особы женского пола самых разных возрастов. То бишь, низенькая горбатая старуха, две женщины и маленькая девчонка.

Казалось бы, что в этом такого, способного вызвать удивление и страх? Ну, почтенный и заслуженный дедуля – в сопровождении семейства – вышел перед сном на запланированную прогулку. Подумаешь... Только очень высокими все они были – выше пятидесятилетних тополей, огораживающих по периметру сквер. Блин горелый. А ещё полупрозрачными и светло-светло-сиреневыми...

– Миражи, конечно, – решил разумный и образованный Вагиз (Санкт-Петербургский Университет, как-никак, окончил). – Рваные сиреневые облака, закрывающие закат, всему виной. Не иначе. Вернее, ласковые солнечные предзакатные лучи, пробивающиеся сквозь упомянутые сиреневые облака. Они и создают эту оптическую иллюзию... Красиво, конечно. Спора нет.

Он закрыл глаза и сильно-сильно – в течение десяти-двенадцати секунд – потряс лохматой головой. А когда разлепил ресницы, то никаких гигантских стариков и женщин в поле зрения уже не было. Только чуткая-чуткая тишина властвовала вокруг – словно бы совсем рядом (практически со всех сторон), не было огромного города.

– Как в горах, – тихонько пробормотал Вагиз.

– Это точно, – согласился – где-то совсем рядом – чей-то вкрадчивый голос, а после этого уточнил: – Как в очень-очень диких горах...

– Кто здесь?

И лишь тоненько-звонящая тишина была ему ответом: тишина, надёжно спрятавшаяся в вязкой вечерней (или уже ночной?), темноте...

Вспыхнули-зажглись два фонаря на высоких бетонных столбах, установленных по разные стороны от ларька.

Вообще-то, раньше здесь был только один фонарь. Но в августе, когда знаменитые питерские «белые ночи» откочевали куда-то, Бес решил, что нужно два, мол: – «Наша «точка» должна быть видна издалека. А дополнительный фонарь, он чем-то сродни рекламе. Типа – у нас всё схвачено и за всё заплачено. Смело подходи, брателло, ничего и никого не опасаясь, и заговаривайся...».

Итак, вспыхнули-зажглись два ярко-жёлтых фонаря, и в свете одного из них обнаружился огромный чёрно-белый кот, важно восседавший на пустом фанерном ящике из-под «незамерзайки» (ларёк – ради пущей конспирации – и всякими автомобильными причинами приторговывал).

– Брысь! – произвольно выдохнул слегка занервничавший ларёчник. – Только тебя, усатого, мне и не хватало...

Кот, презрительно фыркнув, убежал.

«Убежал?», – мысленно засомневался Вагиз. – «А, собственно, куда? Хм, непонятно... Скорее, уж, просто исчез. Раз, и нету... Напрасно я его, право слово, прогнал. Ох, напрасно. Это же не просто кот, а кот, дружащий с бравым бронзовым солдатом. Я этого приметного

котяру несколько раз видел – рядом с памятником Швейку на Балканской площади. Нехорошо, кята подгоревшая, получилось...».

– Нехорошо, конечно, – подтвердил – не пойми и откуда – вкрадчивый голос. – В том смысле, что не вежливо.... Значится так, Алекперов. Слушай сюда. Слушай и хорошенько запоминай.... Непростая ночь тебя, филолог хренов, ожидает. Смертью пахнущая.... Хочешь, дурилка азербайджанская, в живых остаться? Ничего, клянусь, сложного: помни о трёх аксиомах, тогда – непременно – останешься. Обещаю.... Аксиома первая: даже когда дело дрянь – терять надежды не следует. Вторая: когда человек – без должного на то повода – начинает философствовать, то это, как правило, пахнет белой горячкой. Третья: с револьверами – шутки плохи.... И ещё, дружок, никогда не нарушай обещаний, данных тобой. Никогда...

Голос затих.

Вагиз, обойдя пару вокруг ларька, никого рядом не обнаружил и, остановившись, подытожил:

– Сегодня курьер «с базы» доставил свежую партию «травки». Вот, видимо, я и надышался её парами, пока по пластиковым пакетикам – в свободное от торговли время – расфасовывал. Теперь, кята подгоревшая, глюки донимают. Не иначе.... Эти три аксиомы? Тоже, честно говоря, ничего сложного. Я же совсем недавно, на позапрошлой неделе, перечитывал «Похождения бравого солдата Швейка». Очевидно, что некоторые знаковые цитаты из нетленного произведения Ярослава Гашека и отложились – на уровне подсознания – в моей голове. Тогда – отложились. А сегодня – под воздействием коварных паров анаши – проявились. Ничего сложного, короче говоря...

Раздался сытый и вальяжный гул мощного двигателя, со стороны Бухарестской – по кустам и дорожкам сквера – несуетливо замелькали-заплясали лучи автомобильных фар.

Вскоре рядом с павильоном, резко затормозив, остановился чёрный «Мерседес» последней модели. Ещё через несколько секунд из машины – со стороны водительского места – вылез представительный мужчина: в чёрном офисном костюме, с зачёсанными назад тёмно-каштановыми – с лёгкой проседью – волосами.

«И депутатский значок на лацкане пиджака очень даже органично смотрится», – мысленно одобрил Вагиз. – «Важная, так сказать, деталь образа.... Хотя, конечно, Бес является не депутатом, а всего лишь депутатским помощником. Но, тем не менее, достаточно цельный образ слепился.... Сам за рулём? Без шофёра? Неслыханное дело. Видимо, решил, что надо быть ближе к народу. По крайней мере, иногда...».

– Ну, что тут у тебя, армяшка? – тут же вышел из «депутатского образа» Бес. – Что там за пургу по телефону гнал, рожа худосочная?

– Извините, босс, но я азербайджанец.

– Обидчивый, мля, выискался? Ну-ну.... А какая, собственно, разница? Мол, армянин? Или же, наоборот, азер? Ну, если с философской точки зрения, а также учитывая, мля, твою офигительную задолженность перед уважаемыми аксакалами?

– Если с философской, то, действительно, не большая, – длинно вздохнув, согласился Вагиз.

– Образованный, мля. Ладно, проехали.... Докладывай, азер, что да как. Не тяни kota за пушистый хвост.

– Дык, это, босс. Нет покупателей. Совсем. Начиная с полшестого. Сам ничего понять не могу...

– Зато я могу, – многообещающе набычился Бес. – Горбатого мне лепишь, морда облезлая? Небось, скрысятничал, а? Толкнул, сука пархатая, товар налево? А теперь, значит, старательно дурочку ломаешь и лыжи майстришь – с хабаром – на юга солнечные? Тварь

смуглолицая и носатая... Надо будет завтра же ревизию здесь у тебя провести – по полной и расширенной программе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.